

МАЛЬВИДА МЕЙЗЕНБУГ

ПИСЬМА МАЛЬВИДЫ МЕЙЗЕНБУГ ТЕРЕЗЕ ПУЛЬСКОЙ И ОГАРЕВУ

Статья и публикация С.П. Гижеу

Мальвида Мейзенбуг прожила долгую жизнь, которая почти целиком уместилась в рамках XIX в. Мейзенбуг не принадлежит к великим представителям этого века, но в каждом эпизоде ее жизни, в каждой написанной ею строке удивительно ярко проявился этот век с его противоречиями и с его верностью самому себе.

Она родилась 28 октября 1816 г. в Касселе, столице Гессен-Касселя – одного из многочисленных карликовых немецких государств, которые были социальным и политическим анахронизмом в Европе уже в XVIII в. – и тем более в начале XIX в. На протяжении XVIII в. в этих государствах, казалось, ничего не менялось. После грандиозных потрясений периода Великой Французской революции и Наполеоновских войн в курфюрстве Гессен-Кассель все как будто вернулось на свои места: в Кассель, который ненадолго стал столицей одного из эфемерных королевств, созданных Наполеоном, где королем был брат Наполеона Жером, – снова возвратился старый курфюрст – и жизнь потекла на первых порах по прежнему руслу. Мальвида видела еще старого курфюрста и запомнила, как он проезжал в карете мимо их дома в военном мундире эпохи Фридриха II, в треугольной шляпе и в парике с косичкой, гротескное воплощение немецкого “ancien régime”^{64*} – дореволюционных порядков. Вскоре старого курфюрста сменил на престоле его сын, которому верой и правдой служил отец Мальвиды К.-Л.-Г.-Ф. Ривалье – он получил от молодого курфюрста дворянское звание (и связанную с этим фамилию фон Мейзенбуг) и дослужился до должности министра.

Мальвида – последний ребенок из десяти – получила традиционное воспитание для девочек ее круга – ее учили дома чтению, письму, музыке, рисованию; она любила читать и увлекалась античными героями. Казалось, жизнь этой девочки, не отличавшейся выдающимися талантами, должна была сложиться как обычно складывалась жизнь девочек из привилегированных кругов. Но, несмотря на Реставрацию, многое в окружающей атмосфере изменилось, и эти изменения чувствовались даже в провинциальных немецких углах. Некрасивая внешность, заставившая Мальвиду отказаться от надежды нравиться в “свете”, ее исключительная чуткость к тому, что носилось в воздухе, твердый и решительный характер и какие-то другие, не поддающиеся учету причины, определили ее иной, не похожий на обычный жизненный путь. Идеи Просвещения и Великой французской революции – идеи освобождения человека продолжали жить и в эпоху Реставрации. Они по-своему были развиты и трансформированы романтиками, вошли в романтическую концепцию мира как представление о самоценности человеческой личности и о ее внутренней свободе, об исключительном значении внутреннего опыта человека.

Годы интенсивного духовного формирования девушки совпали с пробуждением общественных интересов, подавленных наступившей после разгрома Наполеона реакцией. Мальвиде было четырнадцать лет, когда произошла Июльская революция во Франции, нашедшая отклик и в Германии; с этого момента она, по ее словам, начала читать газеты. Она рано осознала себя как личность – и рано начала отстаивать свой внутренний мир. На смену несколько экзальтированной религиозности (которая была в духе времени, в духе религиозных исканий романтиков) приходят сомнения – и это приводит постепенно к отходу Мальвиды от церкви, от всякой официальной религиозности. Увлечение искусством, горячее и искреннее, приводит ее к осознанию нравственного его значения – идеи Шиллера об “эстетическом воспитании” были существенными слагаемыми того комплекса просветительских и романтических идей, которые витали в воздухе. У Мейзенбуг одновременно пробуждается и крепнет интерес к социальным вопросам; на первых порах это находит выражение в занятиях благотворительностью. Конечно, немало дам из общества в эту пору занималось благотворительностью, но Мейзенбуг делала это более истово и убежденно, чем было принято.

Интересу Мейзенбуг к общественным вопросам способствовало ее увлечение сыном пастора Теодором Альтгаузом, свободолюбиво настроенным молодым публицистом-демократом, резко отличавшимся и образом мыслей и общественным положением от прежних знакомых.

^{64*} “старого режима” (франц.).

МАЛЬВИДА МЕЙЗЕНБУГ

Фототипия с рисунка Франца Ленбаха, 1885

Из книги: *Malvina von Meyzenbug. Der Lebensabend einer Idealistin.* Berlin, 1898

незамеченной наблюдать за происходящим. Мальвида целиком захвачена событиями, вместе с друзьями она принимает участие в различных собраниях, читает книги по социальным вопросам. Тем труднее ей становится в кругу родных – мать, сестры и братья (отец к этому времени уже умер) отнюдь не разделяют ее воодушевления – и Мальвида смело покидает семью и уезжает в охваченный революцией Берлин. Здесь она вращается в кругу радикально настроенных людей, знакомится с общественными деятелями (с некоторыми из них она встретится снова уже в Лондоне, в эмиграции).

Подавление революции и наступление контрреволюции Мейзенбург переживает тяжело. Во время Дрезденского восстания в мае 1849 г. – это была последняя вспышка революционных событий в Германии – Мейзенбург с волнением и надеждой следит за событиями. В один из таких дней мучительного ожидания исхода Дрезденского восстания, она, сидя над колыбелью племянника (ей пришлось вернуться к родным в Кассель), думала о том, что отчаянная борьба, которая идет сейчас, быть может, решит судьбу и этого ребенка. В память об этом чае, проведенном у колыбели, Мальвида пишет статью (которая стараниями друзей была помещена в демократической газете) – “Клятва женщины”, клянясь воспитать среди женщин мстителей за порабощенную свободу, чтобы они, в свою очередь, могли воспитать поколение свободных людей.

Мейзенбург окончательно покидает семью; одно время она (как и Герцен) думала о переходе в Америку – туда звал ее видный участник революции Ю. Фрёбель. Тогда же Мальвида узнает, что в Гамбурге открыта Высшая школа для женщин, ставившая своей целью дать им образование, которое могло бы обеспечить экономическую самостоятельность. Идеи женской эмансипации, ширившиеся и крепнувшие на протяжении XIX в., были близки Мейзенбург.

Мальвида отправляется в Гамбург – это было началом ее самостоятельной жизни, независимой от семьи, куда она больше никогда не вернулась. Мальвида осталась учиться и рабо-

тых и друзей Мальвиды. Круг ее общества меняется – серьезность и целеустремленность интересов отвращают ее от светского общества.

Общественный климат в Германии изменился к середине 1840-х годов – резко возросли оппозиционные настроения среди широких слоев населения. В предгрозовой атмосфере кануна европейских революций властителями дум становятся радикальные публицисты и мыслители, писатели “Молодой Германии”, о которой Герцен, изведав крах своих социальных надежд и иллюзий 1840-х годов, спустя много лет писал с изрядной долей иронии: она “теоретически освобождала отечество и в сферах чистого разума и искусства покончивала с миром преданий и предрассудков” (XI, 444).

Мейзенбург разделяла эти настроения, и, когда в феврале 1848 г. во Франции вспыхнула революция, сердце Мальвиды, по ее собственным словам, забилось от радости. Ее восторженные настроения в начальный период революционных событий были сродни таким же настроениям широких демократических кругов в других странах Европы, сродни мыслям и чувствам Герцена и его друзей.

Семья Мейзенбург оказалась во Франкфурте в то время, как там собрался предпарламент, и Мальвиде удалось проникнуть на заседание в церковь Св. Павла (женщин туда не допускали) и

тать в школе (во главе ее стоял знаменитый педагог К. Фребель). Одновременно она вела просветительскую деятельность среди рабочих. За последние годы, в первую очередь под влиянием революционных событий, Мейзенбург значительно развилась – она прочла Фейербаха, которого раньше не решалась открыть “из-за атеизма”; теперь она не нашла там ничего такого, что ее испугало бы. “Больше прежнего я сблизилась с рабочим классом. Мне становилось все яснее, что будущее принадлежит ему; к чисто политической революции я стала равнодушна”¹.

В условиях наступившей реакции существование гамбургской школы становилось невозможным – ее пришлось закрыть, и Мейзенбург уехала в Берлин.

Знакомства Мейзенбург, связи с рабочими делали ее подозрительной в глазах полиции. Произведенный у нее обыск решил дело – она задумала эмигрировать в Англию. Это был по тому времени необычайно смелый шаг – одинокая женщина уезжала в чужую страну, где у нее не было ни родных, ни друзей.

Мейзенбург вспоминает, что как-то в Гамбурге ее друг – рабочий принес ей прочесть книгу и так отозвался об авторе ее: “Это – один из наших”². То была книга Герценя “С того берега”, только что вышедшая на немецком языке в издательстве Гофмана и Кампе. Когда Мейзенбург покидала Германию, одна из ее любимых учениц подарила ей эту книгу, произведшую на нее большое впечатление. Мейзенбург взяла книгу с собой в Англию. “Перечитывание этих пламенных строк приносило мне большое утешение”³, – вспоминала она. Так впервые Мейзенбург узнала о Герцене.

В Лондоне, куда Мейзенбург прибыла в конце мая 1852 г., она прежде всего отправилась в дом одного из немецких политических эмигрантов Г. Кинкеля, с которым была знакома только по переписке и с которым, как и с его женой Иоганной, у Мейзенбург сразу же установились дружеские отношения.

В конце августа 1852 г., через три месяца после Мейзенбург, в Лондон приехал Герцен с сыном, оставив дочерей у М.К. Рейхель. В сентябре Герцен познакомился с Кинкелем, а в ноябре встретился в его доме с Мейзенбург. Вспоминая позднее о своей первой встрече с Герценом, Мейзенбург писала: “В тот вечер у меня было отрадное сознание того, что в мою жизнь вошел выдающийся человек, с которым у меня имелось много общего”⁴.

Взаимная симпатия быстро сблизила Герценя и Мейзенбург – оба чувствовали себя в Лондоне одинокими⁵. Они начинают встречаться и переписываться. Вскоре между ними устанавливаются прочные дружеские отношения. В августе 1853 г. Герцен писал ей: “Однажды в разговоре с вами я сказал, что лишь с вами я беседую не только откровенно (...), но о самых интимных вещах” (XXV, 89). “Самые интимные вещи” – это не только подробности семейной драмы Герцена, но и мысли и настроения, которые он скрывал от окружающих, подобные той вспышке отчаяния, о которой он писал Мейзенбург 26 августа того же года: “Да, временами буря, бушующая в груди, доводит меня до удушья; о, как хотелось бы тогда иметь друга, руку, слезу – так много хотелось бы сказать – и я брошу тогда по улицам, я люблю Лондон ночью, когда я совсем один, – я брошу себе, брошу... как-то на днях я был на Waterloo Bridge^{65*}, кругом ни души, я присел... словно сорокалетний юноша, и на сердце у меня было очень тяжело...” (XXV, 101).

Рассказывая о себе, о своих настроениях и размышлениях, Герцен ждал от Мейзенбург столь же откровенных признаний: “Вы обещали мне, давно уже, рассказать некоторые эпизоды из своей жизни. Я всегда боюсь начинать разговор в этом роде. Испытываешь ощущение, будто касаешься рукой трепещущего и совсем горячего сердца. Своим вопросом я боюсь причинить боль – в письменном виде все это гораздо легче (видите, какая трусость!); итак, я задаю вам вопрос в письменном виде и прошу вас сдержать слово” (XXV, 89).

В дошедших до нас письмах Герцена к Мейзенбург, датированных 1853 г., он неоднократно противопоставляет ее душевной молодости свою разочарованность и неспособность к непосредственным порывам чувств, а Мейзенбург пытается внушить Герцену надежду и веру в поступательное развитие человечества. В своем ответе⁶ на письмо от 26 августа 1853 г. (противоречивое выше) она “попыталась противопоставить (...) его скептицизму взгляд, согласно которому жизнь – не просто рождение и смерть без всякой цели, кроме как обновление, не игра холодной необходимости или случая, который после мгновений иллюзии любви, красоты и духа снова погружает нас в небытие материи. Даже если признать, что индивидуальное развитие привязано к организму и исчезает вместе с ним, развитие сознания в целом становится чем-то конкретным, духом, парящим над миром и устремленным к новым идеалам, совершенным произведениям искусства бытия, к которому прошлые эпохи проло-

^{65*} мосту Ватерлоо (англ.).

жили путь, и таким образом, после ожесточенной борьбы и страдания, восстанавливается единство жизни”⁷.

На это письмо Герцен отвечал в свою очередь: “Странная вещь, я очень близок к вашей точке зрения, и все же есть разница. Нет, любовь, счастье, дружба, преданность – не иллюзии, однако они преходящи, и жизнь тоже. Я был очень счастлив, я познал ту ясность, о которой вы говорите, я чувствовал себя в этом мире хорошо, как дома, – и вот конец, хронического благополучия не бывает. Для личности все кончено. Не для народа, не для среды – и вы видите экономию природы, а я остаюсь активной действующей силой” (XXV, 107).

Глубина трагических переживаний Герцена и более поверхностно-оптимистический взгляд Мейзенбуг – не только следствие разных масштабов их личностей, но и свидетельство их принципиальных идеиных расхождений, которые дадут себя знать позже: реалистически трезвые и мудрые взгляды Герцена уже и тогда противостояли прекраснодушной вере Мейзенбуг в конечное торжество абсолютной гармонии. Но возможно также, что в своих письмах Герцену, в разговорах с ним при начале их знакомства Мейзенбуг придерживалась и некой “педагогической установки” (это проявлялось позже в ее отношениях с Ницше и другими в большей степени) – она скрывала собственные сомнения и пыталась помочь Герцену преодолеть его скептицизм.

Мейзенбуг, однако, не только словами хотела помочь Герцену, перед которым остро встал вопрос о восстановлении семьи и воспитании детей. И здесь ее помощь оказалась неоценимой. Мейзенбуг с самого начала горячо приняла к сердцу заботы Герцена, связанные с детьми. Благодарный, он писал ей 25 июня 1853 года: “Дружба ваша *деятельна*, только такую дружбу я и понимаю, только на такую я способен (...) Пассивную дружбу можно найти повсюду, дружбу умозрительную (...) Горячо благодарю вас поэтому за то, что вы напомнили мне о существовании иной симпатии, более человечной и более личной среди той *vacuum hottempdum*^{66*}, которой мы окружены в мире” (XXV, 75).

30 апреля 1853 г. в Лондон приехали дочери Герцена. Он заранее договорился с Мейзенбуг об уроках музыки Тате (Мейзенбуг начала в Лондоне давать уроки). Герцен писал Рейхель: “Учительница у Таты будет очень умная, я ее коротко знаю – *m-selle* Майзенбуг, кажется, она из Берлина, собой безобразна, но совершенно свободное и развитое существо” (там же, 65); “Она необыкновенно умна и очень образована” (там же, 123); “*Durch und durch*^{67*} благородное существо” (там же, 214). Но, конечно, уроки музыки не могли решить проблему воспитания детей. Герцен был в крайне затруднительном положении. Мейзенбуг рассказывает: «Однажды вечером я проходила мимо дома Герцена, и так как не была у них утром, то зашла посмотреть, что делают дети. Я застала Герцена вместе с детьми в столовой и заметила, что у него расстроенный и печальный вид. Когда я уходила, он пошел вслед за мной и вдруг разразился слезами, говоря, что его домашняя жизнь не налаживается, что он не может заниматься детьми, что его дом – это развалина, и повторял несколько раз: “Я этого не заслужил, я это не заслужил”. Меня глубоко потрясло его душевное состояние»⁸.

Видя положение Герцена, Мейзенбуг решила взять воспитание в свои руки и для этого переехать к нему в дом. В ответ на ее предложение Герцен пишет с дружеской прямотой и откровенностью: “Я боюсь вас пригласить, боюсь не пригласить. В моей душе такое недоверие, такой скептицизм, что я опасаюсь всего... Я вас тоже боюсь и клянусь – еще более боюсь вашего отдаления”. Но Герцен склонен все же попробовать и заключает письмо словами: “Давайте же попытаемся, – не связывая себя обязательствами ни с той, ни с другой стороны” (5 октября 1853 г.)⁹.

Вопрос был решен 5 ноября, когда Мейзенбуг переехала в дом Герцена. Она вошла в этот дом в качестве полноправного члена семьи и никогда не жила в нем на положении гувернантки (“гувернанткой” – называет ее в своих воспоминаниях Н.А. Тучкова-Огарева). “Familie der freien Wahl”, “семья по свободному выбору” – так довольно точно определяет Мейзенбуг свое положение относительно Герцена и его семьи¹⁰.

Сразу же после переезда Мейзенбуг в его дом Герцен писал: “Я ею через край доволен...” (XXV, 128); “Польза от Мейзенбуг – очевидна, в особенности она имела огромное влияние на Сашу” (XXV, 149). Несколько позднее, опять в письме к Рейхель: “В нравственном отношении ее житье сделало много. Я Тату не узнаю – так она переменилась к лучшему и со мной стала гораздо ближе” (XXV, 212). Но в этом же письме Герцен указывает и на то, что ему кажется недостатком в подходе Мальвиды к детям: “Дисциплины держать не умеет”.

Известные разногласия в вопросах воспитания между Герценом и Мейзенбуг, таким образом, обозначились довольно скоро. В одном из писем к самой Мейзенбуг Герцен подчерки-

66* ужасающей пустоты (лат.).

67* насеквозд и насквозь (нем.).

вает все то хорошее, что она принесла с собой. “Я вполне согласен также с вашей теорией и практикой в вопросах нравственного воспитания и обучения детей (...) Неизмеримо хорошее, что вы внесли в нашу разрушенную семью, состоит не только в том, что вы очистили окружающую нас атмосферу, но и в том, что вы ввели дух здоровья и независимости” (XXV, 199–200). Но остается еще одна важная сторона воспитания, продолжает Герцен, – дисциплина, внешнее поведение, умение вести себя, слушаться, знакомство с практической стороной жизни; в неумении достичь этого – недостаток воспитательной системы Мейзенбуг. Позже этот недостаток Герцен будет связывать с идеалистической непрактичностью Мальвицы, с “хватанием звезд”, как он выразится.

Несмотря на разногласия, самое главное, однако, было достигнуто – была создана семья, где дети воспитывались рядом с отцом в здоровой нравственной атмосфере. И в этом была огромная заслуга Мейзенбуг. Особенно она полюбила Ольгу, которой было всего три года и которая, не помня матери, особенно нуждалась в женской ласке. Мейзенбуг принимала участие в жизни всей семьи, разделяя интересы Герцена. В кругу знакомых Герцена – немцев, французов, поляков, итальянцев, венгров, англичан, большей частью политических изгнанников, – Мейзенбуг была своим человеком.

В апреле 1856 г. в Лондон переехали Огаревы. Тучкова-Огарева и Мейзенбуг с первого же взгляда не понравились друг другу. Наталья Алексеевна решила (как пишет с ее слов Т.П. Пассек), что “бесцветные глаза, большой рот” Мейзенбуг “предвещали нечто зловещее”¹¹. Мейзенбуг потом вспоминала: ей почудилось, что ее коснулась “ледяная рука судьбы”¹².

С приездом Огаревых все изменилось в доме Герцена. Русская речь, русские интересы, русские воспоминания заслонили все остальное. Соперничество из-за детей между Тучковой-Огаревой и Мальвицой, различный подход к ним очень скоро до предела обострили их отношения. Недоразумения и столкновения не прекращались; Герцену не удавалось установить нормальную обстановку, и совместная жизнь становилась немыслимой. Огарев же сразу стал на сторону жены, считая, что необходимо удаление Мейзенбуг. “Мы хотим составить семью, – писал он Герцену, – но тут является чуждый элемент. Возможно ли при этом условии составить семью? – ответ: просто невозможно, как ни старайся... Мы хотим делать для детей что-то будто доброе, будто хотим дать им home¹³*. Да разве мы его составим в присутствии разъединяющего начала? Разве теперь уже Олењка не доведена, не знаю как, до того, что избегает здороваться и прощаться с Натали? Разве ты не видишь удвоенных стараний Мальвицы привязать к себе исключительно детей и таким образом поставить преграду сближению с нами?.. Разве ты думаешь, что с твоей стороны неблагодарно сказать дружески и благородно, что тебе нельзя с целью составить семью раздвоить детей и навлечь на них самих все маленькие мученья домашней распри, ревности и противоположности стремлений к людям, от которых дети зависят? Она, т.е. Мальвица, конечно, настолько благородна, чтобы понять это и устраниться, хотя не настолько благородна, чтобы начать самой с того, чтобы отойти и сделать это действительно”¹³.

Герцен был готов последовать настоятельному совету друга; его письмо к Мейзенбуг от 30 мая 1856 г., где он писал: “Поступите так, как вам подскажет ваше сердце” (XXV, 351) – заставило ее решиться. Она оказалась настолько благородна, “чтобы отойти и сделать это действительно”. В тот же день в отсутствие Герцена она покинула его дом. По воспоминаниям Мейзенбуг, когда она спешно уходила, слуга-итальянец сказал ей: “Не уходите, это принесет несчастье дому!”¹⁴. Мира и спокойствия, во всяком случае, уход Мальвицы герценовскому дому не принес. Тучкова-Огарева не стала матерью детям, “дать им home” не смогла. И это стало очевидно очень скоро и для нее самой, и для всех остальных. 12 октября 1857 г. она записала в дневнике (предназначавшемся ее сестре Елене Сатиной): “И живу я больше, чтобы не огорчать вас, чем для счаствия детей, я не могу их оставить, но если бы смерть решила дело, это было бы не худо для них, другая, может быть, более бы их любила, исключительно бы жила ими, а я живу не ими, а для них”¹⁵. Обстановка в доме Герцена становилась все тяжелее для всех, и прежде всего для детей. В старости, уже после смерти Герцена, Огарев, вновь думая об отношении Тучковой-Огаревой к детям, записал: “Вспоминая ее отношение к Ольге Герцен (...) и многие другие, я не могу видеть в Н(аталье) А(лексеевне) правдивой и добросердечной натуры”¹⁶. Сама Тучкова в минуты раскаяния записывала в дневнике: “Прощайте, дети, перед вами я серьезно виновата, и знаю теперь, что никогда не загляжу своей вины, – я слишком слабое, эгоистическое существо”¹⁷. В другие же минуты она, пытаясь оправдаться в своем отношении к детям, считала, что отрицательную роль сыграло ревнивое отношение к своим детям Герцена; он делался почти невменяемым, если ему чудилось, что кто-то их оби-

68* дом (англ.).

*Мальвиде Мейзенбуг
в знак дружбы*
30 марта 1855 г.

СЪ ТОГО БЕРЕГА

ИСКАНДЕРА.

—

—

ЛОНДОНЬ

TRÜBNER & Co., 12, PATERNOSTER ROW.
POLISH LIBRARY, 10, GREEK STREET, SOHO.
ЗОДЧАЯ РУССКАЯ КНИГОПЕЧАТЬ,
12, JUDE STREET, BRUNSWICK SQUARE.

1855.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ГЕРЦЕНА МАЛЬВИДЕ
МЕЙЗЕНБУГ
НА ПЕРВОМ РУССКОМ ИЗДАНИИ КНИГИ
“СЪ ТОГО БЕРЕГА”

Мальвиде Мейзенбуг в знак дружбы. Ричмонд, 30 марта 1855.

А. Герцен

Музей Герцена, Москва

жает. Конечно, то, что ей приходилось скрывать от детей свои отношения с Герценом, также не могло не оказаться отрицательно на взаимоотношениях в семье.

После ухода Мейзенбуг ее дружба с Герценом не прервалась. В тот же вечер 30 мая 1856 г., когда она ушла, Огарев с Сашей пришли к ее друзьям Альтгаузам, где она нашла пристанище на первое время, и принесли ей письмо Герцена, в котором он сожалел, что она так внезапно покинула его дом и выражал свою “безграницую дружбу” (XXV, 352). 5 июня Герцен снова писал Мальвиде: “Останемся друзьями, искренними друзьями” (XXVI, 8), а Рейхель сообщил: “История нашей разлуки с Мейзенбуг окончилась хорошо – ее благородный характер взял верх” (XXVI, 10).

Мейзенбуг очень тяжело переживала свой уход из герценовского дома¹⁸ – она теряла семью, с интересами которой сроднилась; лишилась повседневного общения с таким значительным и глубоко симпатичным ей человеком как Герцен; наконец, расставалась с горячо любимой Ольгой, которой она отдала всю свою нерастреченную материнскую любовь. Она была на грани самоубийства, но справилась со своим отчаянием. Приобщившись благодаря Герцену к русской культуре, Мейзенбуг переводит на немецкий и английский языки русских писателей. Заслуга ее в пропаганде сочинений Герцена в Германии велика – в ее переводе немецкий читатель впервые познакомился с “Бытым и думами” по мере того, как появ-

лялись на русском языке отдельные части этого произведения, они издавались в немецком переводе гамбургским издательством Гофман и Кампе (“Aus den Memoiren eines Russen”, 1855–1859, в четырех книгах). Переводила она и другие труды Герцена.

Мейзенбуг и Герцен продолжают встречаться и переписываться. В письмах к ней Герцен касается деловых вопросов, связанных с ее переводами; делится с ней тем, что волнует его в ту пору, – новостями из России о готовящейся крестьянской реформе; рассказывает об общих знакомых, о своих впечатлениях от манчестерской выставки и т.д.

Многое связывало Герцена с Мейзенбуг, но многое и разделяло. Еще в 1854 г. – меньше, чем через год после начала совместной жизни, – в обстоятельном (уже цитированном выше) письме, посвященном вопросам воспитания, Герцен замечал: “Несмотря на то, что для нас дороги и священны одни и те же вещи, несмотря на личную симпатию, мы все-таки антиподы” (XXV, 201). “Дороги и священны” им были идеи личной и общественной эманципации, равноправия женщин, вера в разум, идеи поступательного развития человечества, свобода от религиозных догм и сословных предрассудков. Им обоим была присуща вера в самоценность человеческой личности. “Антиподами” они были потому, что Герцен искал практических путей осуществления этих “священных идеалов”; трагический опыт поражения революции 1848 г. обратил его к реальной действительности, освободил от многих иллюзий, в то время как Мейзенбуг осталась на позициях прекраснодушного идеализма 1840-х годов. Разочарование в революции 1848 г. сделало еще более беспочвенным ее идеализм; принципы разума, свободы, прогресса были для нее нравственными постулатами, а не вопросами общественной практики. Несмотря на расхождения, Герцен называл Мейзенбуг своим “близким другом” (XXVI, 305).

В рекомендательном письме к Ж. Мишле он характеризует ее как человека, “отличающегося своими радикальными взглядами и бесстрашной логикой” (XXVI, 303). В то же время в письме к ней он подчеркивал: “Все ваш вечный идеализм, действительности вы совсем не видите” (XXVI, 300). Непонимание действительности, неумение и упорное нежелание считаться с нею, разрыв между высокими идеалами и практикой – вот, пожалуй, содержание, вкладываемое Герценом в понятие “идеализм”, в котором он упрекал “Мальвиду Идеаловну”, как он называл ее шутя. «Ваш идеализм, или, лучше сказать, ваша склонность увлекаться, состоит в том, что вы очень хорошо умеете оценить “die schönen Möglichkeiten”^{69*} – и этого вам достаточно, вы принимаете завязь за плод» (XXVII, 55).

Обстановка в доме Герцена – в особенности после рождения Лизы (1858) – складывалась самым неблагоприятным образом. Попытки снова привлечь Мейзенбург к участию в воспитании детей одновременно с Тучковой ни к чему не привели^{70*}. Герцен все больше сомневался в воспитательных талантах обеих женщин: “Ни Nat(alie), ни Мейзенб(уг) не могут, никогда не научатся воспитывать детей. Все делают они, чтобы их портить”, – жаловался он Огареву (XXVI, 287). Своими сомнениями Герцен делится с Рейхель, просит у нее совета, имея в виду Тату (в это время Ольга жила, в отсутствие Тучковой-Огаревой, с Мейзенбург у приятельницы последней, Швабе): “Да, entre nous soit dit^{70*}, при всем благородстве своем и хорошем направлении – она (Мейзенбург) не много сделает для большой девушки. Что же мне делать?” (XXVII, 58). Спустя некоторое время, продолжая делиться с Рейхель своими заботами о воспитании детей, Герцен пишет: “Я хочу заниматься воспитанием Таты сам. А Ольге Мейзенбург очень полезна” (XXVII, 88). И Герцен отпускает Ольгу с Мальвидой в Париж на зиму 1860–1861 г. А в декабре 1862 г. он вынужден отправить дочерей вместе с Мальвидой – дома ничего не налаживается – в Италию, на неопределенный срок. Но Ольга уже больше не вернулась к отцу... Герцен не оставлял надежды объединить семью – где-нибудь в Швейцарии, в Турине, в Ницце, в Брюсселе, наконец, в Париже – и предпринимал попытки к этому, но все они ни к чему не привели. Лишь короткое время ему удавалось иногда пожить вместе, и то чаще с Татой, чем с Ольгой. Герцен никогда не переставал интересоваться воспитанием дочерей, старался сблизить старших детей между собой и всех их с Лизой. Так, он настаивает, чтобы Саша, живший одновременно с сестрами в Италии, как можно больше общался с ними, интересовался ими. Но дети не всегда ладили между собой, не ладила и Тата с Мейзенбург. М е й з е н б у г “просится в Рим с Ольгой, без Таты (...), – жаловался Герцен Огареву. – Она ничего не понимает в Ольгином воспитании – любит ее и плачет и спазмует” (XXVII, 509).

Герцен старался противостоять тенденциям в воспитании Ольги, которые он считал отрицательными и, прежде всего, отчуждению ее от русской культуры, русского языка, мучился тем, что Ольга отдаляется от него. В мае 1860 г. (Ольга в это время, как уже упоминалось, жила с Мальвидой у Швабе), он настоятельно советует Мейзенбург: «Перед вами большая задача – укрепите ум Ольги, спасите его от этого хаотического рассеяния, пусть она станет положительной – ей не нужен скептицизм, нужны размышления, упорядоченные занятия, соблюдение правил поведения (...). Чтобы это сделать (укрепить дух), надо начинать не со сложного, а с элементарного, с механизма памяти. Я утверждаю, что ничего не (будет) достигнуто, если вам не удастся научить ее читать плавно и писать по-человечески, – это должно быть взято с боем, должно стать привычкой – а потом уже всякие философии и эстетики (...). Исходя из теории “der schönen Möglichkeiten”^{71*}, вы полагаете, что Ольге надо дать необыкновенное воспитание. Так и я думал о всех детях – было время. Будьте глубоко уверены, что нет на свете ничего хуже, чем “заранее обдуманное необыкновенное”» (XXVII, 55–56). Отсутствие трезвого учета реальности в образовании Ольги возмущало Герцена, к этому он не раз возвращался в своих письмах к Мальвиде. “Спросите у самой себя, оставил в стороне историю, искусства, географию и т.д., во-1-х, читает ли она в настоящее время бегло на каком-либо языке? во-2-х, пишет ли она достаточно правильно на каком-нибудь языке? во-3-х, знает ли она сложение и 3 остальные правила арифметики?” (XXVIII, 40).

В разговорах с Герценом и в письмах к нему Мейзенбург отстаивала свою правоту в вопросах воспитания. Не располагая ее письмами к Герцену, мы можем судить об этом по косвенным данным. Так, например, Огарев писал Герцену (5 июня 1865 г.): «У меня лежит письмо к тебе от Мальвиды в “п” листов. В нем есть много правды, подмеченной обиженным самолюбием, и много основной лжи, происходящей из того же источника. Уверенная, что она может воспитывать, она сердится на неудачу и обвиняет тебя в разных колебаниях и нерешительностях. Последнее имеет долю правды, потому что, несмотря на кажущуюся решительность, в

^{69*} “прекрасные возможности” (нем.).

^{70*} между нами говоря (франц.).

^{71*} “прекрасных возможностей” (нем.).

тебе много нерешительности, мешающей тебе и другим, но она не может заметить, что большая доля в неудачах воспитания относится к отсутствию у неё практического такта и таланта воспитательницы – и этого ей никогда не объяснишь»²⁰.

Но, как видно, не все и не всегда в воспитании и образовании Ольги вызывало неудовольствие Герцена. Приехав к детям во Флоренцию, он сообщает Огареву: «Ольга действительно очень грациозно развивается. Она была бы великим источником – ресурсом для Лизы. Даже Мейзенб(уг) ничего бы не имела против. Но страх перед N(atalie) всех леденит» (22 января 1867 г. – XXIX, 22); и через три дня ему же: «Я здесь всеми доволен. Ольга, действительно, умна и жива и очень развилась...» (XXIX, 23).

Тем не менее, не все удовлетворяло Герцена – Мейзенбуг давала Ольге односторонне гуманистарно-эстетическое образование, то есть такое же, какое получила сама. А Герцен считал это несовременным (итвердил об этом из письма в письмо): «К чему этот ненужный груз индусских поэм, который невозможн переварить?» (XXIX, 130). Или: «Классическое воспитание отжило свой век. Можно, должно прочесть Гомера и Магабарату – но это чтение не должно быть на первом месте, есть другое, которое развивает гораздо большей степени – надо эмансирироваться от Олимпа – как мы уже эмансирировались от Голгофы» (XXIX, 139). Или: «Основывать современное воспитание на слабой одаренности и на филологии, по-моему, ошибочно. Конечно, лучше было бы изучать медицину или вообще что-либо положительное» (XXIX, 177). Герцен не понимал, зачем нужно возить Ольгу в Германию на представление вагнеровских опер²¹ или тратить большие деньги на учителя пения (бросать деньги в «бездну Панофки»²², как он выражался), если Ольга не собирается стать певицей? Систему образования и воспитания Ольги он в последние годы жизни определил довольно точно – воспитание «христи-буржуазное, прикрытое новой фразеологией» (XXX, 270). В результате в Ольге сложился немецко-artistic, аристократический взгляд (XXX, 288).

Из всех детей Герцена в последние годы к отцу ближе-всего была Тата. И она, конечно, видела, как ему хотелось объединить детей хотя бы на короткое время. Огареву она рассказывает в письмах, как ей захотелось сделать отцу сюрприз: уговорить приехать на лето в Ниццу (где она в это время жила с отцом, Тучковой-Огаревой и Лизой) Ольгу с Мальвидой. Этот план испугал Тучкову-Огареву, но Тата ее уговорила и объяснила, что Ольга ведь уже не ребенок, что ее собственный нрав переменился к лучшему и что следует это сделать для папаши. Наконец она согласилась». Теперь надо было ждать ответа от Мейзенбуг. «Ну, вот я и получила ответ от Мальвиды, отказ, – пишет она Огареву. – Она говорит, что долго колебалась, но недоверье взяло верх (...) Мне ужасно жаль, я почти уверена, что это короткое время все прошло бы очень хорошо – очень жаль»²³.

Мейзенбуг продолжала воспитывать Ольгу как умела и как хотела. Отчуждение от отца становилось почти неизбежным, и Мейзенбуг нанесла Герцену один из самых тяжелых ударов, которые уготовила ему судьба в последние годы жизни.

Из письма Герцена к Мейзенбуг от 15 декабря 1868 г.: «Год тому назад вы писали мне: «Еще один год – и я возвращаю вам Ольгу vollendet...»²⁴ – и пр., теперь же вы просите еще два, три года... через два, три года, если она не остережется, то выйдет замуж – è finita la commedia»²⁵ – внутренней слитности со мной. Какое несчастье, что она покинула дом, – однако я никогда не полагал, что она в самом деле уйдет навсегда» (XXIX, 515).

Через два месяца, в феврале 1869 г., Герцен захотел, чтобы Ольга приехала к нему без Мейзенбуг – это была очередная попытка предотвратить отдаление дочери, постараться сблизиться с ней. И как раз эта попытка обнаружила, как далека Ольга от отца. Она ответила отказом (вероятно «недоверие взяло верх» – недоверие ее и Мальвиды к Тучковой-Огаревой), нанеся отцу «жестокий удар» (XXX, 37). Герцен тут же рассказал Огареву всю историю своего приглашения и Ольгиного отказа: «Ольга пишет, что она готова повиноваться – но что Мейзенб(уг) для нее мать и что подвергнуть ее беспокойству разлуки она не желает. Что если она отвыкла от родительского дома – вина не ее. Чем справедливее эта пилияля, тем ее труднее было проглотить – но я осилил и отказался от приглашения (...) Итак – милая незнакомка, она никогда не узнает ни повести о своей матери, ни кто я, ни того, что я мог бы привести в свою реабилитацию» (XXX, 39). Через два дня в письме к сыну Герцен пишет о том же: «Итак (...) Мейз(енбуг) достигла своей цели – совершенно отчуждила Ольгу – даже незнанием русского языка. Мне это очень больно. Я многое не сумел сделать, в многом жизнь запутал. Но в нелюбви к вам, в каких-нибудь требованиях на вас – меня трудно обвинить (...) Я не хочу больше ее приезда» (XXX, 40–41). Самой Ольге Герцен писал в те же дни: «Быть может (...) впоследствии, т.е. после моей смерти, в сердце твоем окажутся пустоты... И сам я ос-

^{22*} окончательно сложившейся (нем.).

^{23*} окончена комедия (итал.).

танусь каким-то чужедальным другом... довольно расплывчатым, довольно незнакомым... Предположим, вина за это полностью лежит на мне, но итог от этого для тебя будет не менее горьким" (кн. 1-я наст. тома).

Ставя этот трагический эпизод в связь со всеми теми сложностями, которые возникали у него в отношениях с остальными детьми – Сашей, Татой и Лизой, – Герцен подводил печальный итог: "В детях главная казнь – и казнь, равно падающая на них, как на меня" (письмо Огареву от 2 декабря 1869 г. – XXX, 271).

Мейзенбуг старалась оправдать перед Герценом свое поведение в отношении Ольги. Она не раскаивается, что держала Ольгу в отдалении от отца: «Ваша бродячая жизнь не сделала бы из нее то, чем она стала... Когда вы заговорили о том, чтобы снова соединить вокруг вас вашу семью, я ведь ответила только: "Обоснуйтесь где-нибудь, создайте home для ваших дочерей, и я вам вновь вручу Ольгу"». Поддержав Ольгу в ее отказе ехать к отцу, Мальвида, по ее словам, думала лишь о том, чтобы не прерывать ее занятий, и готова была отпустить позднее. Возвращаясь к вопросу об отношениях Ольги к отцу, Мальвида спрашивала: "Почему же сомневаетесь, вы в том, что она вас любит и почитает?.. Но сделайте и вы что-нибудь для Ольги, образовав и разив ее – однако не бросайте на ее юную душу отблески всех несогласий времен ее детства, скептицизм и груз чудовищных жизненных осложнений". Отвечая на слова Герцена в его письме к ней ("Вы никогда не собирались – я уверен в этом – взять на себя роль Немезиды по отношению ко мне". – XXX, 37), она заканчивала свое письмо: "Спасибо, если вы не верите в то, что я хочу явиться орудием Немезиды; было даже время, когда вы предполагали во мне намерение быть орудием примирения, это было ближе к истине. Но, любезный друг, вы сами являетесь своей Немезидой" (XXX, 337–338).

Однако Герцен не оставил мысли съехаться с детьми. И самое тяжелое, как оказалось, было еще впереди. Когда, наконец, Ольга с Мейзенбуг приехали в Париж к Герцену, он окончательно понял, насколько дочь для него стала теперь чужой. "Она чужая, она никого не любит, кроме Мальвиды", – с отчаянием повторял он в письмах. "Теперь уже жалею, что выписал Ольгу и Мальвиду" (XXX, 288). "Я кончу тем, что предложу или ехать назад – или нанять особо здесь квартиру" (XXX, 291). Но Герцен не успел ничего предпринять – через месяц его не стало.

Мейзенбуг, конечно, понимала, какую роковую роль она сыграла во взаимоотношениях отца с дочерью, и после смерти Герцена не раз возвращалась к этому мучившему ее вопросу. В 1893 г. – ровно через двадцать три года после смерти Герцена – она пишет Ольге, что выше всего в жизни – выше таланта, знаний – сила характера, и добавляет: "И это ты получила в наследство от своего отца, в этом ты похожа на него, ты взяла самое хорошее от него. И, когда в своих письмах он так часто жаловался, что ты о нем ничего не знаешь, он ошибался: ты сродни ему в глубочайшей и благороднейшей сердцевине его существа, и кто знает, не испытывает ли сейчас бессмертная часть его от этого утешения во всей полноте и чистоте?"²⁴

В последний год его жизни критическое отношение Герцена к Мальвиде резко усилилось. Это было связано, конечно, в первую очередь, с отдалением Ольги. Герцен боялся отдаления всех детей – поэтому он так не хотел ранней женитьбы сына, так упорно боролся с Тучковой-Огаревой за Лизу. Был ли Герцен в это время всегда спрavedлив в своих высказываниях о Мейзенбуг? Тот страх, который, по словам Герцена, всех "леденил" перед Натальей Алексеевной, был больше других свойствен Ольге – из старших детей Герцена Тучкова не любила больше всех именно ее. И здесь следует учсть свидетельство Таты: когда из участников семейной драмы остались в живых только она и Ольга, она писала М.К. Лемке (в связи с изданием сокращения сочинений и писем Герцена): «Я забыла вас попросить, чтобы вы во всех письмах моего отца выпускали те места, где говорится о m-lle Meisenbug в том смысле, что она не хотела отдать Ольгу и препятствовала ей вернуться к отцу. Вы понимаете, что на самом деле все было гораздо сложнее. Французы говорят: "Cherchez la femme"²⁵. Я бы сказала в данном случае: "Cherchez"²⁵ Наталью Алексеевну". Вы ведь знаете, сколько дисгармонии она породила в нашей семье своею близостью к моему отцу. Ольга сама не хотела вернуться домой, зная, что тут около папаши находится Наталья Алексеевна».

В свое оправдание Мейзенбуг могла бы привести и то, что она спасла Ольгу из невозможной семейной обстановки и ей в значительной мере Ольга обязана тем, как благополучно сложилась ее судьба в отличие от остальных дочерей Герцена. Да и в какой мере могла Мейзенбуг, немка, скоро совсем забывшая русский язык, жившая с Ольгой вне русской среды во Франции, в Италии, в Швейцарии, воспитать Ольгу русской, близкой по духу отцу? Мейзенбуг не была ведь "гувернанткой"; лишенная собственной семьи, она отдала всю свою любовь

²⁴* "Ищите женщину" (франц.).

²⁵* Ищите (франц.).

Ольге – любила ее материнской, во многом слепой и ревнивой любовью. Герцен добровольно поделился своими правами на дочь с Мальвидой, он писал ей в сентябре 1865 г.: “Ольга при надлежит вам в той же мере, как и мне, ее судьба представляется мне неотделимой от вашей”²⁶. Герцен был достаточно прозорлив и справедлив по отношению к Мейзенбуг, чтобы понимать, что сознательное и бессознательное, вольное и невольное переплетаются в ее отношении к Ольге (Ольгу Мейзенбуг “совсем отчуждает и сознательно и бессознательно” – XXX, 3) и что “нет чувства более эгоистического, чем любовь... всякая любовь – отцовская, братская, половая”, – как писал он самой Мальвиде (XXVIII, 209).

Иногда, в минуты великого горя, Герцен бывал и не вполне справедлив в отношении Мейзенбуг. «Ну, милая идеалистка, – писал он Огареву 27 декабря 1868 г., когда его недовольство Ольгой и Мальвидой достигло крайних пределов, – она отомстила мне за выход из дома в 1856 году (...) Тихо и кротко опуская пухлые глаза, Мейзенбуг мягко ненавидит все наши самые дорогие воззрения и спасает от них Ольгу – в старую колею, а сама без ума была от “Vom anderen Ufer”» (XXX, 288–289). Конечно, много изменилось и для Герцена с конца 1840–начала 1850-х годов, когда было написано “С того берега”, когда они только познакомились с Мейзенбуг. Сам тип идеалиста 1840-х годов – то есть духовный тип человека передовых, демократических кругов, который сложился в период общественного подъема кануна революции – с его иллюзиями и беспочвенными надеждами – стал теперь для Герцена чужд и неприемлем. Мейзенбуг, писал он, “пущена, как волчок без компаса, по морю по океану всех мнений. Везде благородная, везде в идеализме сороковых годов” (XXIX, 148). В письме от 12 мая 1868 г. Герцен спрашивает Тату: “Знаешь ли ты, отчего при всей противоположности характеров, – столько нетерпимости в N(atalie) и Мальв(иде)?” И объясняет: «Оттого, что обе – идеалисты (...) “Жизнь и люди их обманули” – они не могут примириться с этим. А ведь жизнь и люди их не обманывали, они просто не могут дать того, что с них угодно требовать» (XXIX, 335). И через две недели, продолжая эту тему, снова сравнивает Тучкову и Мейзенбуг: “У Мальв(иде) идеализм книжный, экзальтация общими тенями – без анализа, без желания ясности. У N(atalie) – оставшиеся без малейшего разбора русско-молодые экзальтации сороковых годов” (XXIX, 354).

“Храбрость истины и примирения в истине” (XXVI, 73), свойственные Герцену, умение всегда смотреть в глаза правде, заставляли его остро чувствовать в других боязнь полной ясности, склонность ко всякого рода иллюзиям; он с раздражением писал об “идеалистическом тупумудрии Мейзенбуг, ее нравственной слепоте и хватании звезд” (XXX, 249). “Ты знаешь, что Мальв(иде) с открытыми глазами ничего не видит”, – жаловался он сыну (XXIX, 348).

Неудивительно, что Герцену не понравились “Воспоминания идеалистки” (первая часть вышла без имени автора в женевской типографии в конце 1868 г. на французском языке)²⁷: “Записками ее я не совершенно доволен, – писал Герцен, – она очень ярко обделала свою семью – папашу и мамашу. Много идеализма” (XXIX, 365)²⁸. “Очень ярко” – это не похвала, а порицание и значит: без теней, идеализировано. И то же самое повторял он и самой Мейзенбуг: “Вы озаряете все таким сильным блеском, что совсем не остается теней!”²⁹ Черту за чертою я узнаю ваш идеализирующий характер. Вы его сохранили, и это отлично – чтобы золотить пилию жизни” (XXIX, 377). Сам Герцен решительно отвергал любые “золочения пилиуль”.

Первые же отклики читателей и прессы на “Воспоминания идеалистки” были благоприятны. “Я рад, что ее Записки имеют успех – но мнения моего не могу изменить”, – писал Герцен (XXX, 100–101)³⁰.

Мейзенбуг считала конец 1850-х – начало 1860-х годов неким рубежом, началом нового периода своей жизни. Заключительная глава “Воспоминаний идеалистки” называется: “Дитя, художник, философ”, Мальвида как бы подводит в ней итог “ученических” и “страннических” лет и говорит о том, к чему она пришла. “Дитя” – это, конечно, Ольга, забота о которой отныне стала средоточием ее жизни, смыслом ее существования. “Философ” – это Шопенгауэр, учение которого именно в эти годы приобрело популярность, – оно стало для довольно широких слоев европейской интеллигенции выражением разочарования в революции, в общественной активности. “Художник” – это Рихард Вагнер, искусство которого стало для Мейзенбуг воплощением искусства вообще. Когда Мальвида познакомилась в 1855 г. в Лондоне с Вагнером, он не был признанным композитором – громкая слава его была еще впереди, и Мейзенбуг оказалась среди первых, оценивших его искусство, одним из первых его горячих адептов³¹.

Искусство заняло в жизни Мейзенбуг особое место. Как уже говорилось, она рано и решительно отошла от всякой церковности и всю жизнь прожила свободной от религиозных догм, от религиозной обрядности. Согласно ее желанию тело ее было кремировано и прах предан земле без всяких религиозных обрядов. Но всю жизнь она, по существу, оставалась ре-

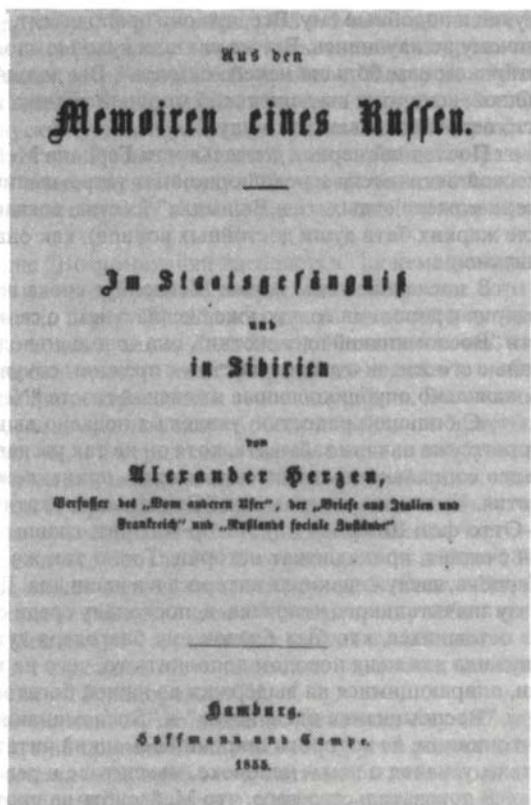
лигиозным человеком. Мейзенбург скопее с удовлетворением, чем с удивлением или тем более негодованием, передает слова некой русской дамы, которая, прочитав "Воспоминания идеалистки" воскликнула: "Господи, да вы же религиозная натура!"

Мейзенбург принадлежала к довольно широко распространившемуся в XIX в. типу людей "верующих без бога", для которых слова Ницше "бог умер" означали лишь смерть бога любой положительной религии и которые населили пустующие небеса некой заменой бога, неким Абсолютом. Для них продолжала существовать абсолютная, метафизическая инстанция, которая могла называться, скажем, Идеалом и была суммой вечных нравственных истин. Важнейшую роль при этом играло Искусство с большой буквы, искусство как замена религии, как воплощение Абсолюта.

Мейзенбург все больше сближалась с Вагнером и его второй женой, дочерью Ф. Листа — Козимой; она стала вскоре своим человеком в доме Вагнера в Байрите. Живя в очередной раз здесь, Мальвида описывает в письме к Ольге вечер в доме Вагнера: Вагнер играет на рояле, Мальвида с Козимой, сидя рядом, слушают; Мальвида, наклонясь к Козиме, шепчет ей: "Это и есть новая религия!" — "Это мое глубочайшее убеждение, — комментирует она свои слова Ольге. — Храмом же, где мы должны собираться для просветленного созерцания мистерии жизни, должен стать театр будущего, о котором мечтает Вагнер"³².

Эстетическое идолопоклонство восторжествовало в душе Мейзенбург — зачатки этого относятся еще к ее юности, оно было заложено в ее тогдашнем шиллеровско-романтическом отношении к искусству — уже после ухода из дома Герцена, где общественные и политические интересы доминировали над всеми остальными.

Важно, однако, отметить, что влияние личности Герцена, его идей, его деятельности, несмотря ни на что, продолжало сказываться до последних лет жизни Мейзенбург — общественные интересы никогда не переставали волновать ее; человек широкий и открытый, она, с тех пор как в четырнадцать лет впервые стала читать газеты, продолжала интересоваться общественными и политическими событиями. И, уйдя из дома Герцена, продолжала оставаться в курсе его деятельности и сочувствовать ей³³. В круг ее знакомых по-прежнему входили знакомые, друзья и соратники Герцена по эмиграции, по политической борьбе. Мейзенбург была осведомлена о спорах Герцена с Бакуниным, и ее сочувствие было целиком на стороне Герцена (она была знакома с содержанием писем "К старому товарищу" еще до их публикации³⁴). Герцен писал ей: "Бакун(ин), взбешенный против меня за то, что я не занимаюсь вместе с ним демосией, — пишет Огареву: «Герц(ен) меня крайне огорчает. Он, который отважно вел за собою других, стал нерешительным — он напоминает "Maultier — er sucht im Nebel seinen Weg"»⁷⁶ (XXIX, 489 — стих из "Песни Миньоны" Гете). Получив вскоре за этим письмом последний номер "Kolokol", где было помещено письмо Герцена Огареву о прекращении этого издания, Мейзенбург писала Герцену: «Почетнее уйти вот так, чем упрямо продолжать, как Ба-

"БЫЛОЕ И ДУМЫ". ПЕРВОЕ НЕМЕЦКОЕ ИЗДАНИЕ.
ПЕРЕВОД М. МЕЙЗЕНБУРГ (ГАМБУРГ, 1855)

Титульный лист

Книга содержит две первые части "Былого и дум", вышедшие отдельным изданием ("Тюрьма и ссылка". Лондон, 1854). Имя переводчицы не указано. Заглавие изменено ("Из воспоминаний русского. В тюрьме и Сибири")

76 "Мула — он ищет в тумане свой путь" (нем.).

кунин и подобные ему. Все, что они преподносят, – это старые, обветшальные идеи и фразы, они ничему не научились. Вы же сказали нужные слова: “Молодое поколение идет своим путем – старики нам больше нечего сказать”. Вы должны теперь, как мудрец, наблюдать за ходом вещей, которому вы дали такой мощный толчок, и с улыбкой снисхождения пройти мимо тех, кто относится к вам как мулу”³⁵.

Последний период деятельности Герцена Мейзенбург рассматривала как отказ от политической активности и революционных устремлений, считая, что Герцен свое дело сделал и теперь может “отдыхать в Валгалле”³⁶ (куда, согласно германской мифологии, собираются после жарких битв души достойных воинов), как она писала ему в только что процитированном письме.

В последние годы жизни Мейзенбург снова вернулась к воспоминаниям о Герцене и, повторив и дополнив то, что уже писала о нем, о своих отношениях с ним во второй и третьей части “Воспоминаний идеалистки”, она довольно подробно, опираясь на “Былое и думы”, рассказала о его жизни и деятельности – с прежним сочувствием и симпатией. Эти воспоминания, первоначально опубликованные в венской газете “Nene freie Presse” (см. прим. 6), начинались так:

«С большой радостью увидела я недавно вышедшую книгу, посвященную человеку, которого уже начали забывать, хотя он не так уж давно ушел из жизни и хотя он – если говорить о его социально-политических идеях – принадлежит к величайшим мыслителям нашего столетия. Книга эта озаглавлена “Социально-политические идеи Александра Герцена”; автор ее – Отто фон Шпербер (...). Автор говорит, главным образом, об идеях Герцена, которые, как он считает, принадлежат истории. Точно так же, как принадлежит истории и сама личность Герцена, заслуживающая интереса и в наши дни. Дружба может добавить и другие черты к образу значительного человека, и, поскольку среди современников я, быть может, единственная из оставшихся, кто был близок ему благодаря духовной и душевной симpatии, книга эта послужила для меня поводом дополнить то, чего не хватает в ней, собственными воспоминаниями, опирающимися на выдержки из нашей богатой переписки»³⁷.

“Воспоминания идеалистки” и “Воспоминания об Александре Герцене” стали основным источником, из которого широкий немецкий читатель черпал сведения о великом русском деятеле, узнавал о нем – человеке, мыслителе и революционере³⁸.

В доказательство того, что Мейзенбург на протяжении всей своей жизни оставалась верна демократическим идеалам юности и продолжала интересоваться общественными проблемами, можно привести и другие факты. Так, в период дела Дрейфуса Мейзенбург пишет письмо Э. Золя после его выступления в защиту Дрейфуса, выражая, подобно всем прогрессивно мыслящим людям, полное одобрение его позиции. Во время Англо-бурской войны симпатии Мейзенбург, как и всей европейской демократии, на стороне буров; она просит едущую к ней в Рим Ольгу привезти портреты бурских генералов. Мейзенбург, правда, сочувствовала объединению Германии “сверху”, которое проводил Бисмарк (за что заслужила со стороны Герцена прозвище “Мальвиды Бисмарковны”), но ведь этому объединению сочувствовали многие отнюдь не реакционно настроенные люди, в том числе ряд деятелей революции 1848 г. Впрочем, когда началась Франко-прусская война 1870 г., Мальвида, несмотря на сочувствие Бисмарку и свой немецкий патриотизм, прусский милитаризм осуждала. “Заверяю вас, – писала она жене Мишле, – что после Седана я больше не испытываю симпатии к воинственной Германии, угрожающей Парижу, как и к официальной Франции (...) продолжающей следовать традиции Империи”³⁹.

После смерти Герцена Мейзенбург продолжала жить с Ольгой, которая стала в это время невестой Г. Моно. Когда же в марта 1873 г. Ольга вышла замуж, Мейзенбург осталась одна – она не считала возможным жить вместе с молодой семьей и тяжело переживала свое добровольное одиночество. Ее звали к себе в Байрейт Козима и Рихард Вагнеры, но Мальвида, в конце концов, предпочла поселиться одна в Риме. Пока позволяли силы и возраст (вплоть до 1894 г.), она много времени проводила в Париже и Версале в семье Моно.

Но еще раньше, в мае 1872 г., в Байрейте произошла встреча, сыгравшая важную роль в жизни Мейзенбург. Она познакомилась с таким же, как и она, страстным поклонником Вагнера – двадцативосьмилетним профессором классической филологии Базельского университета Фридрихом Ницше. Они еще раньше слышали друг о друге от Вагнеров. Козима писала Ницше (18 сентября 1870 г.) о Мейзенбург, как об одном из самых верных друзей их семьи (“Она духовно свободный человек, на редкость хороший и одаренный”⁴⁰), а Мальвида советовала прочесть только что вышедшую (1871) и мало кому известную книгу “Рождение трагедии из духа музыки”. (Тогда же в Байрейте Ницше познакомился с Ольгой и подарил ей на память свою фотографию с надписью: “Мадемузель Ольге Герцен – отвергать все посредственное и жить смело всей полнотой прекрасного”.)

Знакомство постепенно перешло в дружбу. Уже 3 ноября 1872 г. Мальвида пишет Ницше: “Я не хотела бы, чтобы вы исчезли из моей жизни, в которую вы вошли так дружественно и так значительно”⁴¹. Мейзенбург и Ницше встречаются в Байрейте у Вагнеров, в Мюнхене, в Базеле, обмениваются письмами. Ницше посыпает Мейзенбургу свои произведения. Она с увлечением читает один за другим выпуски “Несвоевременных размышлений”, разделяет взгляды Ницше и усваивает его терминологию. Посыпая Ольге “Несвоевременные размышления”, она поучает ее в письме вполне в “ницшеанском” духе: “Не человеческое стадо должно увеличиваться, а число избранных, которые служат высоким целям, стоящим перед человечеством”⁴².

В 1876 г., когда вышло полное издание “Воспоминаний идеалистки” на немецком языке, Ницше тут же прочел их. Они произвели на него огромное впечатление. Описание того воскресного дня, когда в полном одиночестве на берегу Женевского озера он дочитывал их, напоминает идиллию в духе Руссо (которого позднее он так не любил!); Ницше кажется, что он никогда до того не переживал такого благословенного дня: “Ощущение чистоты и любви не покидало меня, и природа в тот день была лишь отражением этого ощущения. Вы стояли передо мной как лучшая часть меня самого, самая лучшая, скорее ободряя меня, чем пристыжая: так стояли вы перед моим внутренним взором, и я мерил свою жизнь, взяв вас за образец, искал, чего мне в себе не хватает... Ваша книга для меня, однако, более строгий судья, чем, вероятно, были бы вы сами. Что должен делать мужчина, чтобы не быть вынужденным, читая вашу повесть, казнить себя за отсутствие мужественности? – спрашиваю я себя часто. – Он должен поступать точно так же, как вы, и ничего больше!”⁴³ В тот же день 14 апреля 1876 г., окончив это письмо к Мейзенбургу, Ницше пишет одному из своих друзей, Э. Роде: «Читал ли ты только что вышедшие три тома “Воспоминаний идеалистки”? Очень прошу тебя – прочти. Это жизнь нашего друга фрейлейн фон Мейзенбург – зеркало для каждого настоящего человека, в которое смотришься и со стыдом и с надеждой стать таким же; я давно не читал ничего подобного, что бы так перевернуло меня и так оздоровило»⁴⁴.

Получив письмо Ницше, Мейзенбург не менее взволнованно отвечала ему (30 апреля 1876 г.): “Дорогой друг! Если бы моя книга не принесла мне никакой другой радости, кроме вашего последнего письма, я бы благословила ее за одно это и считала бы, что этого достаточно, чтоб оправдать ее написание. Нам больше нет нужды говорить друг другу какие-то слова – мы знаем, что мы значим друг для друга и будем значить вечно”⁴⁵. В том же письме Мейзенбург предлагает Ницше поселиться вместе, хотя бы на год, и пригласить также молодого друга Ницше, студента Базельского университета А. Бреннера. Было решено поселиться в Сорренто, сняв виллу Рубиначчи; к ним присоединился еще один знакомый Ницше – философ П. Ре. Самому младшему из мальвиных “мальчиков”, как их называл живший в отеле неподалеку Вагнер, было двадцать лет, самому старшему – тридцать два. Совместная жизнь длилась, однако, недолго – с октября 1876 г. до апреля 1877 г., когда уехали Бреннер и Ре, затем в начале мая сразу сорвался и уехал Ницше; последней оставила Сорренто в июне Мейзенбург.

Для всех четырех месяцев, проведенные в Сорренто, были счастливым временем – об этом они писали тогда же в письмах и вспоминали позднее. Дни их складывались обычно так: первую половину дня каждый проводил по своему усмотрению, потом все вместе гуляли, а вечером читали, беседовали; в девять часов расходились по своим комнатам. Читал вслух чаще всего Ре (Мальвида почти всю жизнь страдала глазами, Ницше мучили головные боли). Читали античных писателей – Геродота, Фукидида; читали Вольтера, французских моралистов XVII–XVIII вв. и современных французских авторов; читали Евангелие; курс лекций Я. Бурхгардта по культуре Греции (записи слушателей Бурхгардта), который Ницше комментировал. Из писем Ольги Мальвида узнает, что во Франции вышел французский перевод романа Тургенева “Новь”, и просит ее прислать: “Мы все здесь являемся его поклонниками и охотно прочли бы”⁴⁶. Ницше, Ре, Бреннер читают “Былое и думы” Герцена, читают с “восхищением”. “Ницше удивляется, – пишет Мальвида Ольге, – какую богатую жизнь прожил папа, как все в его восприятии художественно преобразено. И я всегда говорила папе, что он художник”⁴⁷; “Я рада, что Ницше и Ре его так почитают. Все, что у меня было здесь из его произведений, я им дала, и еще рассказываю им”⁴⁸. 21 января Мейзенбург отметила годовщину смерти Герцена – она приготовила пунш, и в молчании они выпили в память Герцена.

Но Ницше не впервые читал “Былое и думы” – он прочел их уже в августе 1872 г. и тогда же писал Мейзенбург: “Я обратил внимание своих друзей на это произведение; читая его, я стал с гораздо большей симпатией, чем прежде, судить о многих отрицательных тенденциях, и даже отрицательными я не должен был бы их называть... Ибо такая благородно-пламенная и стойкая душа не могла бы жить только отрицанием и ненавистью”⁴⁹.

Однажды речь зашла о невесте для Ницше – он был старший из трех неженатых мужчин – шутили на эту тему, смеялись, но, как видно, вполне серьезно Мальвида называла в качестве возможной невесты Тату Герцен. Ницше в письмах к сестре обсуждает эту кандидатуру: по своему духовному складу она вполне подходит для него, считает Ницше, но вот ей тридцать лет (Тате на самом деле тогда было тридцать три – она родилась в один год с Ницше), и это является препятствием⁵⁰.

Для Мейзенбуг Сорренто осталось воплощением ее идеала некоего “светского монастыря”, который она представляла себе так: собравшийся в прекрасном уголке круг одинаково мыслящих людей, каждый из которых обладает полной свободой заниматься собственным делом и одновременно возможностью наслаждаться в этом обществе высшими радостями духовного общения и, по желанию, действовать в более широком кругу, не приходя в “слишком тесное соприкосновение с миром”.

Время пребывания в Сорренто – период наибольшей духовной близости Мейзенбуг и Ницше – и начало их расхождения. Ведь именно в Сорренто Ницше писал “Человеческое, слишком человеческое” – произведение, положившее начало новому периоду в развитии его философии. До опубликования этой работы Ницше читал из нее Мальвиде, и она не советовала ему торопиться с публикацией, считая, что здесь еще много “незрелого” (но именно в этой-то работе Ницше созрел!). Между прочим, неудовольствие Мальвиды вызвали высказывания Ницше против женщин.

В 1878 г. 1-я часть этой книги вышла: на экземпляре, подаренном Мейзенбуг, Ницше написал стихотворное посвящение: “Разве ничего не осталось здесь от аромата Сорренто // И здесь лишь дикая горная природа, // По-осеннему чуть теплая и лишенная любви? // В этой книге только часть моего я, // Лучшую же часть приношу я на алтарь твой, // Кто был мне другом, матерью, врачевателем”.

Посвящение это – элегически-грустное – говорило о том, как мучительно Ницше расставался со своим недавним прошлым, с тем духовным миром, воплощением которого служила “идеалистка” Мейзенбуг. Позднее в своей духовной исповеди “Ecce homo” он писал о “Человеческом, слишком человеческом”: «Это памятник кризисного состояния... почти каждая фраза здесь – выражение одержанной победы; я освобождаюсь от всякого чуждого моей природе. Чужд же мне идеализм, заглавие говорило: там, где вы видите идеальное, я вижу – человеческое, увы, только – слишком человеческое!.. Это памятник суровой самодисциплины, с ее помощью я сразу покончил в себе самом со всем наносным: высоким жульничеством, “идеализмом”, “высокими чувствами” и прочими бабьими штуками...»⁵¹.

А Мальвида, прочтя “Человеческое, слишком человеческое”, писала Ольге: “Это нечто большое и удивительное, хотя и не полностьюозвучное мне”⁵². Пропасть между Ницше и Мальвидой росла с каждым годом; Мейзенбуг, казалось, не замечала этого, а Ницше, беспощадно издеваясь над духовным миром Мальвиды, разрывая все связи с ним, продолжал тянуться к ней, одновременно удивляясь ее слепоте! Ницше писал ей: “Я иду вперед, выше, продолжайте верить мне!” (14 марта 1879 г.)⁵³. Она отвечала ему: “Вы стремитесь к высокой цели... Трогательно и прекрасно думать об одиноком путнике, который трудным путем решительно устремляется к высотам, на которых дышится чистым эфиром духа!” (28 марта 1879 г.)⁵⁴.

В ответ на жалобу Ницше “Я снова одинок – и, говоря по правде, никогда не был так одинок... Нет никого, кто хотел бы идти моим путем” (ноябрь 1883 г.)⁵⁵, Мейзенбуг утешает его (8 ноября 1883 г.): “То, что вы не находите никого, кто хотел бы идти с вами, не должно вас удивлять: ибо пути необычных людей всегда одиноки...”⁵⁶. Мальвида точно заворожена трагическим одиночеством Ницше, его одинокими борениями и не хочет замечать содержания и целей этой борьбы.

Вокруг Ницше все теснее сжималось кольцо одиночества и отчуждения, а Мейзенбуг успокаивала его, не понимая или делая вид, что не понимает его ужаса перед логикой собственной мысли, перед тем, что он считал своей миссией.

В марте 1884 г. Ницше писал Мейзенбуг: “Это выражение моей человечности – сохранять молчание касательно моих последних намерений и, кроме того, еще и вопрос благоразумия и самосохранения. Всякий убежит от меня, додгадайся он только, какого рода обязательства вытекают из моего образа мыслей!.. И – вы! и вы тоже, мой глубокоуважаемый друг!.. Возможно, что для всех грядущих поколений я – рок, и очень возможно, что в один прекрасный день я онемею – из человеколюбия!!!”⁵⁷

В последний раз Мейзенбуг виделась с Ницше в мае 1883 г. в Риме, но переписка продолжалась и еще обсуждались даже проекты совместной жизни, подобной той, которую они вели в Сорренто.

Мейзенбуг читала все произведения Ницше, которые он ей посыпал, но что она вычиты-

ОЛЬГА МОНО (ГЕРЦЕН)
Барельеф К. Фонк-Брентано (гипс), 1890
Музей Герцена, Москва

вала из них? Ницше писал 25 марта 1886 г. Овербеку: «Честная Мальвида, которая благодаря своей розовой поверхности всегда на протяжении всей жизни держалась на поверхности, написала мне однажды, к моему горчайшему удовольствию, что она различает в моем “Заратустре” “контуры светлого храма”, который я построю на этом фундаменте. Можно умереть со смеху, но я как раз доволен, что никто не подсматривает и не замечает, что за “храм” я строю!»⁵⁸

Действительно ли Мейзенбург так долго не понимала истинный смысл философии Ницше? Что преобладало в ее отношении к Ницше и его идеям – “идеалистическое тупомудрие”, выражаясь словами Герцена, неумение видеть вещи в их истинном свете, не поддаваясь влиянию собственных иллюзий, желаний, упоминаний? Переоценка “der schönen Möglichkeiten” – “прекрасных возможностей”, говоря опять-таки словами Герцена? Или “педагогическая” установка – надежда удержать Ницше в пределах общего для них когда-то строя мыслей, не оттолкнуть его и тем самым попытаться сохранить свое влияние на него? Симпатия и жалость к одионокому страдающему человеку? Широта и терпимость к чужой мысли? Завороженность образом человека, верного своим убеждениям и идущего своим путем, чего бы это ни стоило?

Но, так или иначе, настал все же момент, когда Мейзенбург поняла, что ей не по пути с Ницше, и решительно разорвала с ним. Предлогом – нам кажется именно предлогом, а не главной причиной – послужила работа Ницше “Случай с Вагнером”, которую он послал ей в сентябрь–октябрь 1888 г., сразу же после ее выхода. В этой работе, направленной против вагнеровского искусства (а Мальвида продолжала богочествовать Вагнера до конца жизни), оно объявлялось воплощением декаданса. В работе повторялись нападки на идеализм, столь популярный, по словам Ницше, со времен Гегеля и Шопенгауэра в Германии. Нет ничего прекрасного самого по себе – “прекрасное в себе” это такая же химера, как и весь идеализм⁵⁹, – писал Ницше в этой работе, которую он послал “идеалистке” Мейзенбург!

В ответ Мейзенбург отправила “очень злое” письмо (по словам сестры Ницше, Э. Ферстер-Ницше; само письмо до нас дошло не полностью), в котором она разрывала отношения с ним.

Однако Ницше еще раз взялся за перо и написал Мейзенбуг последнее письмо. Оно написано так, как будто он никогда не считал ее “лучшей частью своего я”, как будто в Сорренто она не была его “другом, матерью, врачевательницей”: «Я постепенно порвал почти все отношения с людьми из чувства отвращения к тому, что меня принимают за нечто другое, что я есть на самом деле. Теперь очередь дошла и до вас... Вы “идеалистка” – я же считаю идеализм лживостью, ставшей инстинктом, упорным нежеланием смотреть в лицо действительности. Вы никогда не понимали ни одного моего слова, не понимали ни одного моего шага»⁶⁰.

– “Упорное нежелание смотреть в лицо действительности” – разве не в этом упрекал Мальвиду и Герцен?

Все двенадцать лет – с октября 1888 и до самой смерти Ницше в августе 1900 г. – Мейзенбуг, как видно, не делала попыток увидеть его, но, когда до нее дошло известие о его смерти, она послала на его могилу веточку лавра, сорванную в Сорренто, в знак примирения.

Мейзенбуг – убежденная идеалистка и демократка – не смогла принять в Ницше очень многое. Ее коробили черты вульгарного материализма и позитивизма в философии Ницше, та прямолинейная и плоская зависимость духовного и “идеального” от физиологии, которая дает себя знать в его философских построениях. Она не могла принять ницшеанского обожествления “жизни”. Для Мейзенбуг жизнь должна была искать оправдания в духе, для Ницше дух должен был оправдываться перед “жизнью”. Мейзенбуг не принимала его противопоставления “избранных личностей” “человеческому стаду”, “морали господ” – “морали рабов”. Конечно, и Мальвиде не чуждо было представление о “толпе” и “элите”, но для нее духовная элита не была отгорожена непереходимой чертой от остальных людей – ни в социальном отношении, ни в расовом, ни в каком другом. Путь к совершенству, путь к вершинам духа, по ее представлению, открыт каждому.

После смерти Ницше Мейзенбуг опубликовала статью-воспоминание о нем; она рассматривала ее как “памятник на далекую могилу”, которую в этой жизни больше не сможет посетить. В этой статье четко выражена концепция Мейзенбуг. Ранний Ницше для нее и был “истинным” Ницше – это “совершеннейший идеалист”, благородный поборник высоких духовных идеалов, подобно ей боровшийся за право идти своим путем. Все его последующее развитие, продолжает она, было *заблуждением*, переходной фазой – на пути к высшему. Не умри он духовно так рано – он вернулся бы к просветленному и умудренному идеализму ранних лет! Наступила бы третья фаза в его развитии – окончательная, где он предстал бы очищенным от всех “заблуждений” и “ошибок”. Свою статью о Ницше Мейзенбуг оканчивает словами: “Героический страстотерпец, усталый борец может теперь отдохнуть, а ранний Ницше, кротко улыбающийся в своей первичной гармонии, будет жить века”⁶¹.

Мейзенбуг оказалась удивительно плохим пророком. Сам Ницше значительно лучше понимал, какого рода слава уготована ему в веках. В “Ecce homo” он писал: “Я знаю свою судьбу. С моим именем будет связано воспоминание о чем-то чудовищном, о таком кризисе, которого еще не знали, о глубочайших коллизиях совести, о принципах, направленных против всего, во что до сих пор верили, чего требовали, что считали священным”⁶².

Мейзенбуг порвала с Ницше в октябре 1888 г., а в мае 1889 г. потеряла еще одного друга, человека несравненно меньшего масштаба, чем Ницше, дружба с которым и не была столь близкой и столь длительной. Александр фон Варсберг был богатым аристократом, состоявшим на австрийской службе, писателем и ценителем искусств. Он был одинок, тяжело болен туберкулезом. Мейзенбуг переписывалась с ним, бывала на его вилле в Венеции. В последний раз она приехала к нему, когда он умирал.

Мы не будем касаться истории отношения Мейзенбуг и Варсберга – нам лишь важно остановить внимание на том, что в жизни Мейзенбуг выработалась устойчивая “модель” отношений. К ней тянулись мужчины, лишенные семьи, в трудный период своей жизни или находящиеся по той или иной причине в конфликтных отношениях с окружающим миром, ищащие сознательно или бессознательно понимания, опоры, – и Мейзенбуг неизменно оказывалась верным и надежным другом, сестрой, воплощением “бессмертной Антигоны”, если употребить выражение Ромена Роллана. Ее дружба была всегда “деятельна”, как писал ей когда-то в начале их знакомства Герцен. И она никогда не оставалась поэтому долго одна...

С Роменом Ролланом Мейзенбуг познакомилась летом 1889 г., когда она осталась вдруг одна, потеряв Ницше и Варсберга. Познакомилась она с ним (ему было тогда 23 года, а ей 73), учеником Г. Моно по Высшей нормальной школе, в доме Моно, приехав в очередной раз к Ольге. Осенью того же 1889 г. он прибыл в Рим, чтобы собрать материалы для своей работы по истории европейской оперы, и постучался в двери квартиры Мейзенбуг на улице делла Польвериере, где она прожила до самой смерти. Дружба, завязавшаяся этой осенью между ним и Мальвидой и продолжавшаяся до последних ее дней, сыграла важную роль в жизни Роллана.

лана. Навсегда сохранил он благодарную память о своем “римском друге”, и после ее смерти он не раз по различным поводам говорил, писал, думал о ней. Он вспоминал о ней в страшные для всего европейского человечества годы первой мировой войны – она была для него в это время одним из воплощений “вечного сестринского начала”, – и к этому сестринскому началу обращался он, стараясь пробудить в “женщинах Европы” “братский долг сострадания, взаимной помощи, единения между всеми человеческими существами” (статья “Бессмертная Антигона”). Он говорил, сколь многим он сам обязан женщинам – “если в этой буре я смог сохранить свою непоколебимую веру в братство народов, свою любовь к любви и презрение к ненависти” – это заслуга женщин. Роллан называет двух: свою мать и “великую женщину Европы, чистую идеалистку, Мальвиду фон Мейзенбуг, чья светлая старость была подругой моей юности”⁶³.

В 1926 г. Роллан напечатал свои воспоминания о Мейзенбуг (отрывок из тогда еще не опубликованной книги “Внутреннее путешествие”). Он перепечатал их под заголовком “Amor. Pace” в книге “Внутреннее путешествие” в 1942 г. – в страшные дни, когда большая часть Европы была под гитлеровским сапогом. Они составили часть главы “Друзья” в полном издании “Внутреннего путешествия”, вышедшем уже после смерти Роллана.

В Риме Роллан провел около двух лет – это было время наиболее интенсивного общения между ним и Мейзенбуг. Они встречались очень часто – иногда ежедневно, а в промежутках успевали еще и писать друг другу. Роллан уходил – и Мейзенбуг садилась и писала ему, договаривая то, что не успела сказать во время встречи; иногда она писала ему дважды в день. После отъезда Роллана из Рима она писала ему почти каждую неделю – и получала ответ. Теперь они встречались редко – в Версале, Париже, куда Мейзенбуг ездила, пока хватало сил; в Риме, когда туда приезжал Роллан. Последнее их свидание состоялось в 1902 г., меньше чем за год до смерти Мейзенбуг. Последнее письмо Роллана к ней Мальвиды читала 24 апреля 1903 г., а умерла она 26 апреля. Всего они написали друг другу около тысячи пятисот писем.

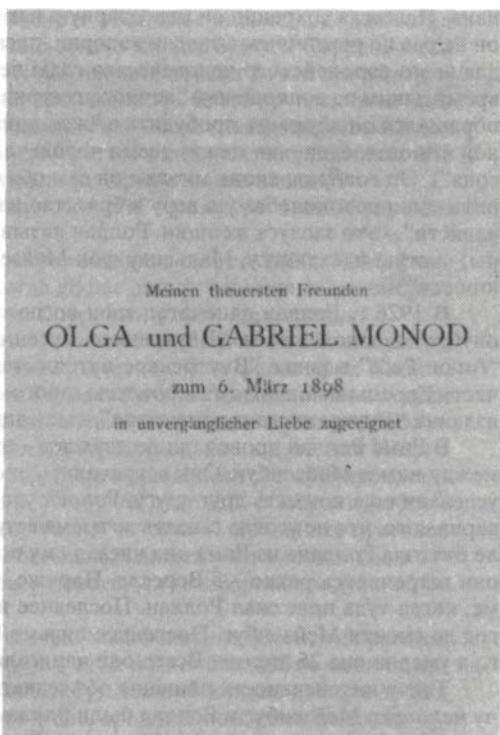
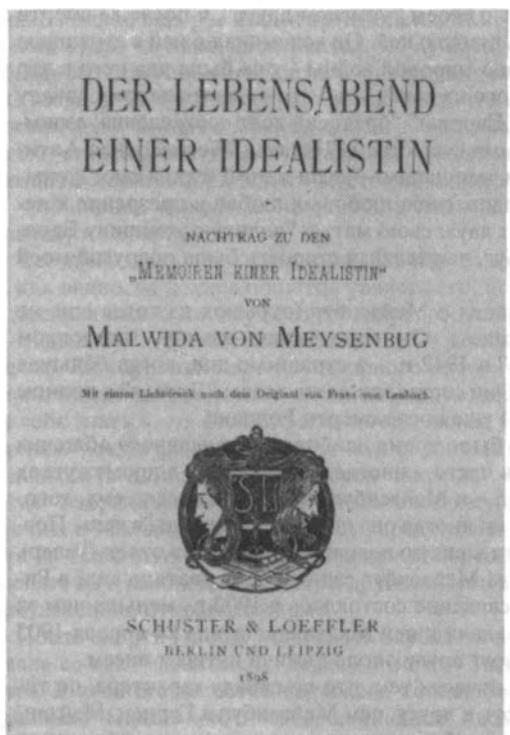
Такая интенсивность общения объясняется отчасти тем, что по складу характера, по типу человека Мейзенбуг и Роллан были ближе друг к другу, чем Мейзенбуг и Герцен, Мейзенбуг и Ницше; отчасти же тем, что юноша Роллан особенно нуждался в поддержке, ибо еще не нашел себя, своего пути в жизни. А Мейзенбуг уже на склоне лет стремилась в последний раз быть полезной, поделиться всем, чем могла: духовным опытом, богатыми воспоминаниями, мыслями, к которым пришла в конце жизненного пути. У нее было ощущение, что она передает в надежные руки эстафету от великого прошлого – великой культуры XIX в.; за плечами Мальвиды стояли революционеры 1840-х годов, стояли Герцен, Маццини, Вагнер, Ницше, стояла старая Германия философов, поэтов и музыкантов – ведь Мейзенбуг была отчасти современницей Гете, и Бетховена, и Гегеля! (Напомним, Мальвиде было одиннадцать лет, когда умер Бетховен; пятнадцать лет, когда умер Гегель, и шестнадцать, когда умер Гете.) “Я постиг тайну языка старой Германии благодаря великому Глухому (Бетховену)... благодаря гла-зам Мальвиды, столь красноречивым в молчании”, – вспоминал Роллан⁶⁴.

Слово, сказанное и написанное, играло в жизни Мейзенбуг огромную роль: она любила вести бесконечные беседы, была исправной корреспонденткой; не будучи одаренной писательницей, написала много статей, воспоминаний, писала даже рассказы, роман и стихи. Но главное, что написано было ею, – огромное количество писем.

Слово для Мальвиды означало веру в необходимость и возможность общения между людьми. Мейзенбуг не подозревала о том, что стало бичом XIX в. – о некоммуникабельности. Общение было для нее главным, она имела великое множество знакомых и друзей, а слово являлось наиболее совершенным средством общения. Ее никогда не мучило “невыражаемое”, “невысказанное”. Будучи дочерью XIX в., она строго проводила границу между тем, о чем следует говорить, и о чем не следует, что достойно быть выраженным и что недостойно.

Мейзенбуг писала слишком многословно и пространно, с современной точки зрения ее стилю не хватает точности, гибкости и выразительности, однако слова, сочетания слов, которыми она пользуется, – это общее достояние: так писали, так говорили ее образованные современники. Мейзенбуг, как видно, не мучилась поисками “единственно точного слова”, она легко писала и говорила не только по-немецки, но и по-французски, по-английски, по-итальянски.

В комнате Мейзенбуг, где она принимала Роллана, стоял рояль, взятый напрокат для него, а у окна с видом на Колизей бюст кумира Мальвиды – Вагнера. Обычно посещения складывались из того, что Роллан играл – Баха, Бетховена, Вагнера. После игры на рояле, обычно продолжавшейся около часа, Роллан садился в угол дивана, наступало молчание, когда каждый думал о своем; потом “без вступления” начинала говорить Мейзенбуг; Она много рассказывала Роллану о Герцене, Вагнере, Ницше, Маццини (“Дни изгнания в Лондоне спокойно разворачивались передо мной, лишенные туманов, или вечера на вилле Ванфрид”, так назы-

**КНИГА МАЛЬВИДЫ МЕЙЗЕНБУГ "ВЕЧЕР ЖИЗНИ ИДЕАЛИСТКИ"
(БЕРЛИН, 1898; НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ)**

**Титульный лист и посвящение: "Моим дражайшим друзьям Ольге и Габриэлю Моно к 6 марта 1898
с неизменной любовью посвящается"**

валась вилла Вагнера в Байрейте). "Она прожила всю жизнь рядом с героями и чудовищами духа, с их тревогами и падениями; все они открывались ей, почти все любили ее, — и ничто не затмнило ясности ее мыслей". По словам Роллана, она видела больше, чем написала в своих "Воспоминаниях", она умела хранить "секреты полувека", добавляет Роллан, но ему она рассказывала о Маццини, Ницше и Вагнере больше, чем захотела написать. "Это здесь я узнал тайну великих людей, великих Побежденных"⁶⁵.

Мейзенбург оказала огромную нравственную поддержку Роллану в начале его творческого пути, она верила в его писательскую одаренность и сумела укрепить в нем веру в самого себя, в правильность избранного им поприща. Роллан сознавал это: "Вы мне дали сознание своих сил, вы вселили в меня веру в мое дело... Ваше сердце откликалось эхом на мое; я чувствовал, что у меня все основания быть таким, каков я есть, чувствовать то, что чувствую, и если другие не понимают меня, то прав я, а не они"⁶⁶.

Прочтя первый акт ранней драмы Роллана — один из его первых писательских опытов — Мейзенбург писала ему: "О милый, хороший друг, я должна сказать вам: вы — большой писатель. Предоставьте мне эту радость быть первой, кто вам это говорит"⁶⁷. Она, действительно, была первой, столь высоко оценившей его талант. Тогда же Мальвида поделилась с Ольгой: "Он — писатель первого ранга, я сейчас кое-что прочла его и полна восхищения"⁶⁸. С помощью Моно Мейзенбург пыталась привлечь внимание французских литературных и театральных деятелей к драматическим опытам Роллана. Роллан делился с Мейзенбург своими писательскими замыслами — одной из первых Мальвиды узнает о замысле романа "Жан-Кристоф" (первый том этого романа вышел, когда Мальвиды уже давно не было на свете). Роллан писал Мейзенбург: "Когда я создаю какую-нибудь сцену или какой-нибудь персонаж, я обычно думаю: мой римский друг, полюбит ли она это, достойно ли это ее?"⁶⁹

Прочтя "Воспоминания идеалистки", Роллан просит Мальвиду продолжать их: "Ваша жизнь — замечательный пример для всех, важно, чтобы он стоял перед глазами вечно"⁷⁰.

Жизнь Мейзенбург как пример и образец для молодого Ницше (вспомним его письмо Мальвиде после прочтения ее "Воспоминаний") и юного Роллана заставляют еще раз поду-

матерей об атмосфере либеральной Европы XIX в., которой они оба дышали, в которой оба выросли и воплощением которой была для обоих Мальвида.

С гордым сознанием своей ответственности Мейзенбург писала Ольге: “Роллан уверял меня, что если бы не встретил меня, то был бы законченным мизантропом. Может быть, это моя последняя задача на земле – сохранить для жизни и для ее истинного назначения эту прекрасную природу и этого истинного гения”⁷¹.

Свою задачу Мейзенбург исполняла самоотверженно и ревностно. У нее было чувство, что в будущее она посыпает как бы частицу самой себя. После окончания срока пребывания Роллана в Риме она, выпуская его в широкую жизнь, обставила это как своеобразное посвящение. Она отправилась с ним в Байрейт на вагнеровский фестиваль. Они вдвоем побывали на могиле Вагнера, она ввела Роллана в дом Вагнера. Вечерами они ходили на вагнеровские спектакли. Мейзенбург сидела рядом с Ролланом на представлении “Парсифalia” и с волнением наблюдала, как в третьем акте по лицу Роллана текли слезы, – они были для нее залогом того, что он пойдет верным путем, унося с собой ее благословение. А Роллан, позднее, пройдя уже большую часть жизненного и творческого пути, мысленно обращался к Мальвиде: “Друг, хорошо ли исполнил я то, что ожидала ты от меня?”⁷²

В последние годы Мейзенбург болела (у нее был рак); умирала она тяжело, но мужественно и достойно, окруженная любящими ее людьми, с которыми добровольно связала свою жизнь, – Татой Герцен, Ольгой и Габриелем Моно, их детьми, сохранившими, подобно Роллану, навсегда благодарную память о ней. Последние слова она, по воспоминаниям Моно, произнесла по-итальянски: “*amor, pace*” (“любовь, мир”) – те самые слова, которыми в 1942 г. Роллан озаглавил свои воспоминания о “римском друге”.

Страницы ее воспоминаний, письма и статьи рассказывают о важнейших моментах духовной истории XIX в., воплощенных в конкретных живых людях, в их судьбах и отношениях, в людях, великих и не великих, сознательно или бессознательно творивших эту историю своей повседневной жизнью. Она оказалась нужной столь разным людям, что, вероятно, лишь в ее сердце они могли встретиться так естественно. Сама она ничего не определила в духовной истории своей эпохи, но была одним из тех “волосяных проводников исторических течений” (пользуясь выражением Герцена), без которых нельзя себе представить ход исторического времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мейзенбург, 178.

² Там же, 223.

³ Там же, 226.

⁴ Там же, 227.

⁵ Рассказывая о своем знакомстве с Герценом, Мальвида писала матери (21 апреля 1853 г.): “Но не думай, что у нас друг к другу какой-либо иной интерес, кроме дружеского, постепенно родившегося из глубочайшего уважения” (“Deutsche Revue”, 1908, Juli–März, S. 201). Если у Герцена отсутствие “какого-либо иного интереса, кроме дружеского”, не вызывает сомнений, то чувства Мальвиды, возможно, были более горячими (ср. XXVI, 10).

⁶ Автографы писем Мейзенбург к Герцену до нас не дошли; некоторые из них она цитирует или пересказывает в “Воспоминаниях идеалистки” и в “Воспоминаниях об Александре Герцене”, впервые опубликованных в венской газете “*Neue Freie Presse*”, 1894, 21, 22, 28 и 29 сентября и затем вошедших (с некоторыми изменениями) в третье издание ее книги “*Stimmungsbilder*”.

⁷ M.v. M e y s e n b u r g . Stimmungsbilder. B. und Lpz., 1900, S. 351.

⁸ Мейзенбург, 253.

⁹ Известия ОЛЯ, 1970, № 4, с. 340.

¹⁰ Живя в доме Герцена, Мейзенбург не получала никакого денежного вознаграждения и продолжала давать уроки на стороне; плата за них и составляла ее личные средства.

Вскоре после переезда к Герцену Мейзенбург писала матери: “Герцен один из самых благородных и умных людей, которых я когда-либо встречала. Теперь, когда я стала участницей его семейной жизни и поверенной его скровенных мыслей, я могу сказать с полным основанием, что я думаю: мало таких людей, как он”. Далее она говорит о “беспредельной доброте и глубокой человечности” Герцена (“Deutsche Revue”, Op. cit., S. 204).

¹¹ Пассек II, 551; см. также выше обзор Л.Р. Ланского. “Письма Н.А. Тучковой-Огаревой к Е.С. Некрасовой”.

¹² Мейзенбург, 341.

¹³ “Лит. наследство”, т. 39-40, с. 371.

¹⁴ Мейзенбург, 351.

¹⁵ РП IV, 189.

¹⁶ АО, 100.

¹⁷ РП IV, 208.

¹⁸ См. ниже письмо Мейзенбуг Т. Пульской, написанное сразу же после ухода (см. ниже).

¹⁹ Т. Пульская записала в это время в своем дневнике: “Вчера утром со мной простиась Мальвида, она уезжает в Истбурн, потому что не может ужиться с г-жой Огаревой. Мне это понятно, как и то, что мучительно оторваться от семьи...” (“Лит. наследство”, т. 64, с. 422).

²⁰ “Лит. наследство”, т. 39-40, с. 406.

²¹ Мейзенбуг с детства приобщала Ольгу к творчеству Вагнера. Десятилетняя Ольга была с нею в 1860 г. в Париже на том представлении “Тангейзера”, на котором французская публика освистала Вагнера. Мейзенбуг была глубоко возмущена публикой, а маленькая Ольга, с детской непосредственностью выражая чувства Мальвиды, кричала “A la porte!” (“вон!”) свиставшим и шумевшим молодым французам (Мейзенбуг, 506).

²² Г. Паноффа – учитель пения. См. о нем в ряде публикаций наст. тома.

²³ “Лит. наследство”, т. 63, с. 462.

²⁴ M.v. M e y s e n b u g. *Im Anfang war die Liebe*. Müncheh, 1926. S. 255.

²⁵ “Лит. наследство”, т. 63, с. 844.

²⁶ Эти слова из не дошедшего до нас письма Герцену к Мейзенбуг она цитирует по-французски (Герцен писал ей как правило по-французски) в немецком письме к своей приятельнице (“Briefe an und von M. v. Meysenbug”, В., 1920. S. 18-19). Аналогичные высказывания можно найти и в его письмах, дошедших до нас, например: “Повторяю вам, что я облекаю вас всей материнской властью в отношении Ольги – как сейчас, так и в будущем” (XXVIII, 98).

²⁷ “Mémoires d'une idéaliste entre deux révolutions de 1830 à 1848”. Они составили затем 1-ю часть вышедших уже после смерти Герцена (в 1876 г.) полностью на немецком языке “Memoiren einer Idealistin”. Значительно позднее, в 1898 г., вышел “Вечер жизни идеалистки” (“Lebensabend einer Idealistin”), который мыслился автором как “дополнение” к “Воспоминаниям идеалистки” и был посвящен Ольге и Г. Моно к двадцатипятилетию их счастья.

²⁸ Огареву “Воспоминания идеалистки” тоже не очень понравилось, о чем догадывалась Мейзенбуг. Живя в Женеве, где печатались эти “Воспоминания”, Огарев мог бы читать корректуру, но, как пишет он в письме к Герцену, Мейзенбуг “не хочет меня беспокоить корректурой или сердится за то, что не нашла во мне большого сочувствия к уважу...” (“Лит. наследство”, т. 39-40, с. 100). С оценкой отца не согласилась Н.А. Герцен; она писала Рейхель 7 марта 1872 г.: “Продолжай “Мемуары М(альвиды)”. Ты увидишь, что она взялась за практическую деятельность и сколько ей пришлось бороться со своим семейством. Она хоть для этой одной борьбы заслуживает уважения. Потом, несмотря на то, что говорил папаша, анализ и описание родных ее, переходных состояний и разных фазисов ее умственного развития имеют, по-моему, довольно большой интерес с психологической точки зрения” (РГБ, ф. 69.27.17, л. 12-13).

²⁹ Вопрос о правильном распределении “света” и “тени” для Герцена был важен – он думал над ним давно, когда писал “Былое и думы”: “Если б не было темной стороны, – светлая была бы бедна” (XXVI, 147).

³⁰ Благоприятным был и первый, по всей вероятности, отклик на “Воспоминания идеалистки” в России. В февральской книжке журнала “Беседа” 1871 г. (статья “Один из типов развития современной германской женщины”) анонимный рецензент, подробно пересказав содержание “Воспоминаний”, писал: “Заслуга этой книги заключается в ее достоинствах с психологической стороны, в правдивости изображений и в честности симпатий и убеждений... Книга эта представляет ясную картину той борьбы, которую мы ежедневно выносим против гнета воспитания, привычек и других условий, из которых сложилась наша жизнь” (с. 14). Для рецензента Мейзенбуг – “одна из ранних поборниц свободы женщин” (с. 15).

³¹ Мейзенбуг вспоминает, как однажды в доме Герцена (это было уже в Париже, в последние недели жизни Герцена) за столом речь зашла о Вагнере; среди присутствующих был и И.С. Тургенев. «У Тургенева накопилось множество критических замечаний против Вагнера, так как он был полностью под обаянием итальянской и французской музыки. Между ним и мной разгорелся оживленный спор, я с успехом защищала Вагнера – человека и художника, на что Герцен мне потом заметил: “Хорошо, когда тебя защищают друзья”» (M. v. M e y s e n b u g. *Stimmungsbilder*, S. 382).

³² M. v. M e y s e n b u g. *Im Anfang war die Liebe*, op. cit., S. 19-20.

³³ Давая Мейзенбуг рекомендательное письмо к Ж. Мишле, когда она уезжала в Париж в ноябре 1859 г., Герцен, между прочим, писал, что она может сообщить ему “подробности о нашей славянской пропаганде” (XXVI, 305).

³⁴ Мейзенбуг и Бакунин с самого начала невзлюбили друг друга. Герцен писал: “В своей взаимной ненависти они дошли до того, что стали испытывать друг к другу нежность” (XXVII, 518-519).

³⁵ M. v. M e y s e n b u g. *Stimmungsbilder*, S. 377.

³⁶ Ibid.

³⁷ “Neue Freie Presse”, 1894, 21. IX.

³⁸ Немецкий исследователь Рейнер выразил предположение, что статья “Русский патриот” (“Ein russischer Patriot”), опубликованная в журнале “Gartenlaube”, 1861, S. 758-761, также принадлежит Мейзенбуг (E. R e i s s n e r. Alexander Herzen in Deutschland. B., 1964, S. 37-39).

³⁹ Цит по Vinant, 254.

⁴⁰ N i e t z s c h e. *Briefwechsel*, 2. Abt., Bd. II, B.-N.-Y., 1977, S. 244.

⁴¹ Ibid., Bd. IV, 1978, S. 120.

⁴² M. v. M e y s e n b u g. *Im Anfang war die Liebe*, S. 63.

⁴³ N i e t z s c h e. Op. cit., Bd. V, 1980, S. 148.

- 44 Ibid., S. 150.
- 45 Ibid., Bd. VI / 1, 1980, S: 317.
- 46 "Briefe an und von M.v. Meysenbug", Op. cit., S. 119.
- 47 Ibid., S. 114.
- 48 Ibid., S. 117.
- 49 Ni etz s c h e. Op. cit., Bd. III, 1978, S. 4.
- 50 Op. cit., Bd. V, S. 227. В ответном письме Элизабет Ницше не возражает против кандидатуры Тати: "Она прекрасная девушка, но это, конечно, не Ольга" (op. cit., Bd. 6/1, S. 573).
- 51 Ni etz s c h e. Sämtliche Werke, Bd. VI. "Deutscher Taschenbuchverlag de Gruyter", 1980, S. 322.
- 52 M. v. M e y s e n b u g. Im Anfang war die Liebe, S. 129.
- 53 Ni etz s c h e. Briefwechsel, Op. cit., Bd., V, S. 394.
- 54 Ibid., Bd. 6/II, S. 1061–1062.
- 55 Ibid., Bd. I, 1981, S. 453.
- 56 Ibid., Bd. II, 1981, S. 406.
- 57 Ibid., Bd. I, S. 489–490.
- 58 Ibid., Bd. III, 1981, S. 162.
- 59 Ni etz s c h e. Sämtliche Werke, op. cit., Bd. VI, S. 50.
- 60 Ni etz s c h e. Briefwechsel, 3. Abt., Bd. V, 1984, S. 457.
- 61 Malwida v. M e y s e n b u g. Individualitäten. B. und Lpz., 1901, S. 41.
- 62 Ni etz s c h e. Sämtliche Werke, op. cit., Bd. VI, S. 365.
- 63 P. Р о л л а н д. Собр. соч., т. XVIII. Л., 1935, с. 119–120.
- 64 R. R o l l a n d. Voyage intérieur. P., 1959, p. 149.
- 65 Ibid., p. 144–152.
- 66 "Cahiers Romain Rolland" I. Choix de lettres à Malwida von Meysenbug, P., 1948, p. 90.
- 67 Romain R o l l a n d. Malwida v. M e y s e n b u g. Ein Briefwechsel. 1890–1891. Stuttgart, 1932.
- 68 M.v. M e y s e n b u g. Im Anfang war die Liebe, S. 224.
- 69 "Cahiers Romain Rolland" 1, op. cit., p. 202.
- 70 Ibid., p. 114.
- 71 M.v. M e y s e n b u g. Im Anfang war die Liebe, S. 226.
- 72 Romain R o l l a n d. Voyage intérieur. P., 1942, p. 240.

ТЕРЕЗЕ ПУЛЬСКОЙ^{77*}

Письма Мальвиды Мейзенбуг адресованы Терезе Пульской (1819–1866), жене венгерского политического деятеля, активного участника революции 1848–1849 гг. Ференца Пульского, эмигрировавшего вместе с семьей после поражения революции в Англию. Мейзенбуг познакомилась с Пульской еще в Германии при случайных обстоятельствах (см. ее "Воспоминания идеалистки", с. 140–141). Затем она снова встретилась с Пульской в 1852 г. в Англии. 27 января 1853 г. Мейзенбуг писала матери: "Один из домов, где я очень охотно бываю, – это дом Пульских. Госпожа Пульская – одна из благороднейших женских натур, которые я только знаю" ("Deutsche Revue", 1908, Bd. 1, S. 203). Пульские принадлежали к кругу близких лондонских знакомых Герцена (см. "Лит. наследство", т. 64, с. 419–424). В 1860 г. они переехали в Италию и обосновались в Турине. Получив амнистию, Пульский с семьей в 1867 г. возвратился в Венгрию.

Письма публикуются впервые по автографам Гос. библиотеки им. Сечены (Будапешт).

Перевод с немецкого:

1

⟨Лондон. Начало июня (?) 1856 г.⟩¹
9, Omega Place, Alpha Road, St.-Johns Wood

Дорогой друг,

Я уже давно написала бы вам, давно уже побывала бы у вас, если бы не случилось одно печальное событие, которое все изменило. Я уже больше не у Герцена. Друзья, приехавшие из России, это его старые друзья, друзья молодости, это та женщина, которой умирающая Герцен поручила детей, но которая тогда не смогла приехать. Теперь она приехала, и притязания с двух сторон, без всякой личной симпатии, привели к мучительным конфликтам, которым я положила конец, потому что я ви-

^{77*} Перевод с немецкого С.П. Г и ж д е у.

дела, что естественные притязания были подкреплены воспоминаниями, языком и общей родиной, и я не хотела этому мешать. Вы можете себе представить, как му-
чительно это для меня; меня связывала с этой семьей глубокая любовь, и только сей-
час я начала видеть плоды своих трудов. Но я никого не обвиняю, Герцен был моим
другом и остался им, я его глубоко уважаю и чту и, что бы ни принесло будущее, он
всегда найдет во мне верного друга. И я прошу вас именно так представлять это де-
ло, если где-нибудь о нем зайдет речь.

Как только буду в состоянии, я приду к вам, ибо, я надеюсь, мы останемся
друзьями.

Ваша М а л ь в и д а

¹ Письмо написано, очевидно, сразу же после ухода Мейзенбуг из дома Герцена (30 мая 1856 г.) в ре-
зультате столкновений с Н.А. Тучковой-Огаревой и той ситуации, которая сложилась в доме Герцена
вскоре после приезда Огаревых (см. *Мейзенбуг*, 340–352; XXV, 350–354 и XXVI, 7, 8, 10; письма Тучковой-
Огаревой к Е.С. Некрасовой в первом разделе наст. книги).

2

Париж, 8 июня(1861 г.)¹ 4, rue d'Alger.

Дорогой друг, ваше письмо очень меня обрадовало. Я давно и горячо желала ус-
лышать что-нибудь от вас, т.к. известия через вторые руки были скучны и недоста-
точны. За несколько дней до вашего письма приехала Швабе² и рассказала *viva
voce*^{78*}. Она еще застала меня здесь, потому что Ольга была довольно серьезно боль-
на, и это задержало наш отъезд. Она, слава Богу, снова здорова, это была *maladie de
croissance*^{79*}, и она сильно вытянулась после нее, и нравственно она замечательно из-
менилась и развилась в эту зиму, будучи единственным предметом моих забот.
Теперь мы ждем Г(ерцен)а, который нас увезет отсюда, так как Н(аполеон III) не-
давно дал разрешение ему на въезд во Францию и в Париж *tant ce qui lui plaira*^{80*}. Вы
можете себе представить, как он доволен вновь обретенной свободой передвижения,
и я вместе с ним, потому что я втайне надеюсь, что изгнание на далеком острове тем
самым постепенно придет к концу. С тех пор, как я снова на континенте, Англия для
меня – настоящее изгнание, и все мои симпатии, и прежде всего мое здоровье, требу-
ют континента, юга. Ваше предложение, которое Ш(вабе) устно сделала мне, с этой
точки зрения было бы очень привлекательно, как вы можете себе представить, хо-
тя у меня возникают очень большие сомнения. Во-первых, я, как и вы, совсем не в
восторге от планов Ш(вабе), поскольку у меня есть в отношениях с ней достаточный
опыт; 2) я должна была бы, помимо денег на дорогу, получить совершенно твердо
гарантированное место, ибо у меня нет состояния, благодаря которому я могла бы
жить, и при моем слабом здоровье не могу позволить себе довериться таким неопре-
деленным проектам; 3) мне было бы тяжело, было бы несправедливо с моей сторо-
ны снова бросить Ольгу, после того как я с трудом наверстала то, что было упуще-
но в отношении ее, а это бедное существо привязалось ко мне и любит меня так, как
только дано ей природой;⁴⁾^{81*} чтобы что-то делать в Неаполе, необходимо было бы
знать не только итальянский, который мне нетрудно снова изучить, но и неаполитан-
ское наречие, необходимое для общения с народом. Наконец теперь, когда после
смерти Кавура, все снова стоит под вопросом, подобные планы будут отодвинуты.
Тем не менее, прошу вас написать мне со всей серьезностью еще раз, как только вы
узнаете что-то более определенное. Я верю вашему трезвому суждению больше, чем
доброму, но совершенно слепому энтузиазму Ш(вабе). В таком трудном положении,
в котором находится Неаполь, подобное грандиозное возрождение может быть де-
лом многолетней работы, и хотя я убеждена, что начать следует, я думаю, тем не ме-

^{78*} здесь: непосредственно (*итал.*).

^{79*} болезнь роста (*франц.*).

^{80*} когда вздумает (*франц.*).

^{81*} В автографе ошибочно: 3. – Ред.

нее, что положение иностранок было бы очень трудным. Вам я поверила бы, тем не менее, что она может всего добиться и дела пойдут, если она захочет. Я приняла бы в этом гораздо большее участие, если бы Г(ерцен) мог бы переехать туда с семьей, тогда у меня была бы твердая опора и достаточно времени, чтобы принять участие в делах, которые, конечно, живо интересуют меня, благодаря моим симпатиям к Италии. Итак, дорогой друг, я доверяюсь в этом вашему трезвому взгляду и вашему добному участию. Прозондируйте же, благоприятна ли обстановка для Г(ерцена) и его работы, которую он не оставит. Теперь, когда он может свободно ездить по Франции, его нетрудно будет, мне кажется, убедить переменить местожительство. Как было бы хорошо, если бы мы снова встретились там! Поэтому я хотела бы еще кое-что вам посоветовать. Я знаю, что мы с вами единственные, кто знает личную тайну нашей доброй Ш(вабе). Все в жизни, конечно, бывает, но дело это представляется мне несколько фантастическим. Постарайтесь, чтобы эта добрая женщина не оказалась в смешном положении, меня бы это огорчило. Если бы все было так, как она представляет себе, то она оказалась бы в более подходящем для себя положении, чем сейчас, и я ей этого желаю от всей души, но у К., я боюсь, может наступить разочарование, ибо хотя она и очень рада, но и очень беспорядочна, и я не могу себе представить, чтобы она подходила такому человеку. При всех случаях я бы хотела, чтобы она не выглядела смешной, что неизбежно случится, если она ошиблась и дело получит огласку, ибо насмешники здесь и в Англии еще до поездки говорили, что она едет с определенным намерением.

Я очень тихо прожила зиму, но мне здесь очень хорошо, и успехи Ольги доставляют мне радость. Я очень рада, что у вас в семье все благополучно. Ш(вабе), несмотря на то, что я шесть раз ее спрашивала, так и не сказала мне, по своей рассеянности, что же у вас теперь — трилистник девочек, или стало еще больше мальчиков? Мне очень жаль бедную Вильму³. Прощайте, дорогая, тысячу приветов вашим от

Ольги и вашей Мальвицы

¹ Зиму 1860–1866 гг. Мейзенбург провела с Ольгой в Париже. Они уехали из Англии 28 ноября 1860 г., а Герцен поехал за ними в Париж около 21 июня 1861 г. и 9 или 10 июля привез их в Лондон. По приезде Герцен писал сыну: "Ольга необыкновенно развилась" (XXVII, 161).

² С женой (а затем вдовой) богатого английского банкира, немкой Швабе (Салис-Швабе) Мейзенбург познакомилась в Гамбурге незадолго до своего переезда в Англию и прожила в ее доме (в Англии) некоторое время. Зиму 1859–1860 гг. она провела с ее семьей в Париже. В начале лета 1860 г. Мейзенбург вместе с Ольгой поселилась у Швабе, которая занималась широкой просветительской и благотворительной деятельностью. В 1870-х годах в Неаполе существовал созданный ею частично на собственные средства "Фрёбелевский институт", готовивший руководительниц детских садов; при институте был детский сад. Вероятнее всего, в письме речь идет о работе Мейзенбург в этом институте или аналогичном заведении.

³ Вильма — дочь Л. Кошута — тяжело болела (умерла в 1862 г.), Герцен писал Ф. Пульскому 29 апреля 1862 г.: "Мы с искренним прискорбием узнали о несчастии с бедной Вильмой. Смерть ее глубоко опечалила Тату" (XXVII, 219).

3

(Торки. 31 августа 1861 г.)¹

Дорогой друг, я получила вашу записку с приветами через госпожу Ш(вабе) и давно ответила бы, если бы не надеялась, что за этим последует более подробное известие. Я знаю, впрочем, как вы заняты, и решила поэтому ждать, пока у вас не выпадет свободного часа, чтобы больше узнать о вашей жизни и тех делах, которые вас интересуют. Как я уже писала вам, у меня больше доверия к вашим спокойным и ясным суждениям, чем к смутному оптимизму нашей доброй Ш(вабе). Она трудится, как обычно, жертвуя собственным здоровьем, над осуществлением своего плана, но я не думаю, что она достигнет значительных результатов, т.к. время энтузиазма в отношении итальянских дел в Англии уже прошло, и, конечно, можно было бы не без основания сказать то же, что Бичер-Стон (во время своих триумфов) писала из Америки герцогине Соутерлендской, that she had better look to her slaves at home^{82*} Дело

^{82*} чтобы она лучше поглядела на своих домашних рабов (англ.).

должно быть сделано в Италии и итальянцами, возрождение народа не может быть привнесено извне. Мы живем здесь на прекрасном морском берегу, только для меня здесь недостаточно тепло, и еще хотелось бы улететь вместе с птицами на юг. Мысль о еще одной английской зиме наполняет меня ужасом. Даже в Париже в тысячу раз лучше. Передайте самый сердечный привет всем своим от Таты, Ольги и меня и вспоминайте иногда о вашем друге М а л ь в и д е.

¹ Это письмо представляет собой неопубликованную приписку к письму Герцену от 31 августа 1861 г. из Торки, адресованному Ф. Пульским. Заканчивая его, Герцен писал: "Горячо приветствую вас от всего сердца и передаю перо мадмуазель Мейзенбуг — она хочет написать госпоже Пульской, которую прошу не забывать меня" (XXVII, 176).

4

№ 22 rosso Lung'Arno.
Флоренция, 16 янв(аря) 1863 г.

Дорогой друг, теперь, когда я так близко от вас, я не могу противостоять желанию послать вам весточку и услышать о вас. После того как я вам писала прошлым летом из *{1 нрзб}*, события при Аспромонте¹ и их последствия наступили с такой скоростью, что меня не удивило отсутствие ответа от вас. Вы можете себе представить, с каким сочувствием я о вас думала. Затем было принято решение о нашей поездке, и с 24 декабря мы здесь. К сожалению, мы не проезжали через Турин, потому что Герцен считал время года неподходящим для переезда через Альпы. Мы поехали через Марсель вдоль всего берега и проделали прекрасное путешествие². В Генуе мы посетили могилу Вильмы, о которой Тата и я сохранили светлые воспоминания. Здесь мы встретили одного русского друга³, который помог нам быстро устроиться, что нам самим не удалось бы так легко, ибо я одна с двумя девочками и с английской прислугой, которая не понимает ни слова по-итальянски. Мы очень мило устроились, у нас хорошая квартира, — правда, высоко, но зато просторно, с красивым видом на Арно и на холм; еду мы получаем из ресторана, и очень хорошую, завтрак и чай готовит наша прислуга. Основное занятие Таты — живопись — уже на полном ходу. В Англии мы познакомились с сеньором Усси, директором здешней Академии и прекрасным художником, он обещал нам помочь и советы и сдержал свое слово: он уже несколько раз был у нас, наставлял Тату, хотя он и не дает уроков. С Ольгой еще не все устроилось, как бы мне хотелось, но она уже берет уроки музыки, что для нее главное, и уроки итальянского, и я надеюсь найти и все остальное, чего недостает, чтобы иметь самой больше досуга и заняться тем, что мне дороже всего, т.е. литературным трудом; давать уроки мне больше не хочется, как ни охотно я занимаюсь воспитанием и слежу за образованием девочек. Италия, которую я вижу впервые, оказалась для меня тем, что я ждала: мне здесь неописуемо хорошо, ибо хотя действительность тут, как и повсюду, безрадостна, прошлое и природа дают возможность отдыха и утешения. Во дворце Питти, перед статуями Микеланджело и перед собором начинаешь ясно понимать, что благородные люди, стремившиеся создать идеальную жизнь, всегда были одиночками и что вообще прогресс всегда был чем-то весьма относительным. Это не способно врачевать раны современности, но, как всякая истина, эта истина успокаивает.

К сожалению, Гарibalди за несколько дней до нашего приезда уехал из Пизы. Я так радовалась, что увижу его. Поскольку мы так близко друг от друга, я твердо надеюсь увидеть вас. Г(ерцен), правда, ограничил наше пребывание здесь шестью месяцами, но я надеюсь, что он его продлит. Если у вас есть здесь интересные знакомые и вы захотите дать мне рекомендации, я буду вам очень благодарна. Но прежде всего дайте знать о себе и о своих. Тата и Ольга шлют сердечные приветы. Я пишу на-авось, так как мисс Рив написала мне, что вы переехали, но не дала вашего нового адреса. Тысячу приветов

Ваш друг М.

¹ При Аспромонте 27 августа 1862 г. войсками правительства Виктора-Эммануила был рассеян направлявшийся к Риму отряд Гарибальди, а сам он ранен и взят в плен.

² Подробности об этом путешествии см. в письмах Н.А. Герцен к отцу в наст. книге.

³ Имеется в виду А.А. Фрикен. Герцен просил его в письме от 3 декабря 1862 г. помочь устроиться дочерям и Мейзенбург (см. XXVII, 266).

5

22 rosso Lung'Arno.
Флоренция, 11 марта (1863 г.)

Дорогой друг!

Я давно уже собиралась написать вам, но время проходит так быстро, что я не делаю и половины того, что хотела бы, и боюсь, время нашего отъезда так быстро наступит, что в сердце останутся только *regrets*^{83*} и немного светлых воспоминаний. Если посвятить себя изучению прошлого этой прекрасной страны, то нескольких месяцев не хватит для этого. Только начинаешь понимать это и смутно ощущать значительность того, что здесь открывается созерцанию человеческого духа, золотые плоды благороднейшего развития в великолепных сосудах. И, когда видишь Флоренцию, хочется увидеть еще и Рим, и Неаполь, и Сицилию! Не удивляйтесь, дорогая, моей способности к наслаждению в такое трудное время. Это не то наслаждение, которому предается счастливый человек в упоении восторга, это тихое утешительное созерцание прекрасного, которое открывает уставшей от внешней борьбы душу чаемую отчизну, покой, подобный тому, которого искали первые христианские аскеты, когда они уходили от раздоров этого мира, чтобы погрузиться в созерцание вечного. Я невероятно боюсь возвращения в туманную Англию, в эту промышленную свободу машин, где капитал утопает в безвкусной роскоши, а бедный рабочий умирает голодной смертью; где свободный народ собирается на митинги и выражает свои симпатии страждущим народам, а правительство продолжает неуклонно проводить самую трусливую политику. Здесь хотя бы голубое небо и золотое солнце улыбаются и для бедных и для богатых и фиалки, и цветы, и золотые яблоки Гесперид существуют для всех. Здесь, по крайней мере, некогда существовало время, наполненное искусством, когда политическая свобода была лишь почвой для благороднейших идеальных цветов человеческого духа, и как это целительно действует на мою душу, я не могу вам описать. Если вы в мае приедете, то, я надеюсь, мы еще, во всяком случае, будем здесь, и для меня будет немалой радостью увидеться снова с вами и порадоваться развитию и успехам ваших детей. О своих я могу сказать только хорошее: Тата очень хорошая девушка, она усердно занимается под руководством сеньора Усси и посвящает все свое время живописи. Ольга по-прежнему моя любимица, очаровательное существо, исполненное талантов и грации, но она нуждается в особом воспитании, ибо она не принадлежит к натурам, с которыми можно сладить при помощи обычной дисциплины. В некоторых простейших вопросах она еще очень отсталла, но я стараюсь всячески сохранить ее своеобразие, чтобы все, что она делала, шло от нее самой; надеюсь, после великого терпения и множества трудных часов мои старания вознаградятся. Как, увы, непрочно все в этом мире, мы еще раз совсем недавно убедились, узнав о глубоко огорчившей нас смерти Иоганны, старшей дочери Кинкеля. Она была близким другом Таты и любила ее, как дочь. Она так великолепно развилась и была в расцвете своей юности, в расцвете жизни, а в январе заболела скарлатиной и умерла от этого¹. Для бедного Кинкеля это очень тяжело. Вы можете себе представить, как горячо я принимаю к сердцу судьбу поляков². Во всяком случае я надеюсь, что прежнее печальное положение уже не повторится, хотя и успех не соответствует тем жертвам, которые были для этого принесены. Да, если бы Венгрия, если бы Пруссия восстали одновременно! Король Пруссии, во всяком случае, достоин тех унижений, которые выпали на его долю; я хотела бы,

^{83*} сожаления (франц.).

чтоб их было больше. О Швабе я только знаю, что она была у Герцена в Лондоне с целью договориться о польском митинге, который она хочет организовать! Она стала lady patronesse^{84*} угнетенных народов. О мисс Рив у меня были только однажды сведения из Неаполя. Дело со школами³ с самого начала казалось мне несколько рискованным, как могут друзья позволять себе такое! За письмо к фрейлейн Ассинг я вам очень благодарна, я ее знала еще по Германии и здесь лишь обновила знакомство. Прощайте, дорогая, тысяча приветов всем вашим.

Ваш старый друг М а л ь в и д а

¹ Иоганна Кинкель умерла 3 февраля 1863 г.

² Письмо написано в период восстания в Польше.

³ Как видно, речь идет о благотворительно-просветительских начинаниях Швабе.

ОГАРЕВУ

Мейзенбуг с дружеской симпатией относилась к Огареву, о чем свидетельствуют и публикуемые ниже письма. Она сблизилась с Огаревым, войдя в семью Герцена и став второй матерью его дочери Ольге. Впервые Мейзенбуг услышала о нем от Герцена, который так часто и подробно рассказывал о своем друге, что по временам ей казалось, будто она знает Огарева лично. Потом состоялось и действительное знакомство с ним в лондонском доме Герцена. По словам Мейзенбуг, Огарев с самого начала внушил ей “искреннюю глубокую симпатию и безграничное сострадание”: она увидела в нем одну из жертв николаевской эпохи (М е й з е н б у г , 343). “Он принужден был наблюдать, как вместе с юностью постепенно исчезают его исключительное своеобразие, высокая духовность, одаренность и громадное состояние, не оставляя в мире внешних видимых следов” (M.V. M e y s e n b u g . Memoiren einer Idealistin. B. und Lpz. s.a., Bd. II, S. 309). В своих высказываниях о нем Мейзенбуг последовательно создает образ Огарева – жертвы, человека отъединенного от окружающих (в том числе и своей болезнью), погруженного в себя, по своей натуре больше художника, чем политика, выражающегося себя, прежде всего, стихами. Огарев для нее – одна из самых “трагических натур”.

Письма печатаются впервые с автографов РГАЛИ, ф. 359, оп. 1, ед. хр. 104, лл. 1–17.85*

Перевод с немецкого:

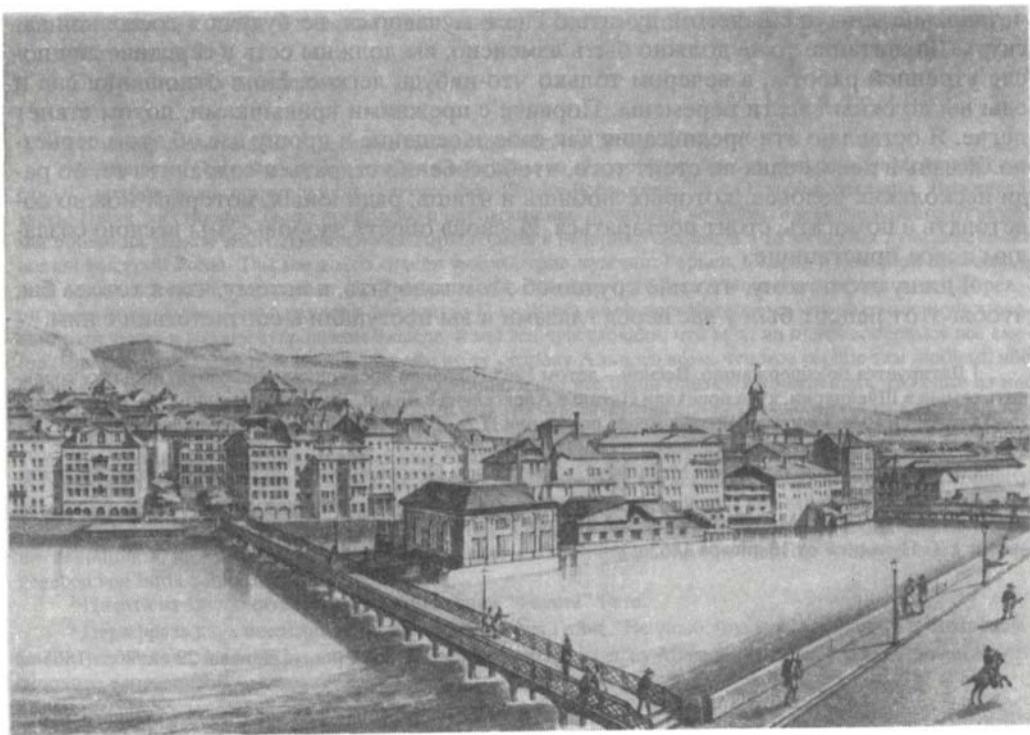
1

(Женева 27 или 28 октября 1865 г.)¹

Дорогой друг, ваш подарок и ваше стихотворение² для меня – драгоценное завещание, и я добросовестно выполнила бы его, если бы мне суждено было пережить вас. Но это может и не случиться, так как я твердо уверена, что и мои дни сочтены. Однако тот, с кем это случится первым, будет помнить о другом. И в сердце Ольги вы занимаете, по меньшей мере, то же место, что и ее отец. Я боролась с собой, задавая себе вопрос – имею ли я право уехать; мне казалось эгоизмом искать для себя чего-то лучшего, в то время как вы все здесь в большей или меньшей мере страдаете. И мне в последнее время было здесь так хорошо, так спокойно, и мой идеал – прожить несколько лет всем вместе, наблюдая, как растут дети, – казался мне снова возможным. Но страх, что моя мозговая болезнь может превратиться в хроническую и сделать меня неспособной к какой-либо работе, заставляет меня уехать, а затем и надежда, что там начальное воспитание Ольги может быть завершено без помех.

^{84*} дамой-покровительницей (англ.).

^{85*} Перевод с немецкого (п. 1–8) и французского (п. 9) С.П. Г и ж д е у .

ЖЕНЕВА. ВИД С НАБЕРЕЖНОЙ "DES BERGUES"

Литография Огюста Вианда. Середина XIX в.

Из альбома: Pierre Bouffard. Génève. Images du passé. – Images du présent. Bale, 1970

Но я питало в сердце тайную надежду; подобно тому как наш прошлый отъезд стал сигналом к тому, что вы все покинули далекие туманы³ и приехали сюда, так и на этот раз Ольга и я уезжаем подобно передовому отряду, чтобы подготовить вам путь. Да, пусть нас всех не оставляет надежда, и сделаем все, чтобы создать последнее прибежище, где мы все — старики и среди нас Натали, чью большую душу мы постараемся излечить, — будем наблюдать, как расцветает молодая жизнь в иных условиях, чем наши, и поэтому иначе, чем у нас, но прекрасно и заманчиво.

Это прибежище должно быть в Италии; и у меня есть план, в котором нет ничего невыполнимого, совершенно реалистичный, я в свое время предложу его на всеобщее обсуждение. И для этого мы постараемся себя сохранить, вы и я. Мир, общие интересы, как и должно быть, долго занимали нас, и мы не можем больше от них отрешиться, но и личное должно получить свои права. Однако для этого вы должны несколько больше управлять собой, и я с полной серьезностью, накануне разлуки, оставляю вам рецепт, которым вы должны воспользоваться.

Вы больше не должны работать ночью, ни в коем случае, вы должны этого добиться. Восемь, четырнадцать дней, даже недели вы должны вынести мучения беспокойных ночей в постели, но не уступать и до полуночи ложиться спать, рано вставать, даже если при этом вас придется будить; работать по утрам и гулять во второй половине дня. Два месяца подобного режима, и вы станете спать, лучше чувствовать себя и, может быть, даже на годы вновь обретете силы и здоровье. Разве это не стоит попытки? У вас столько энергии, направьте ее сюда и заставьте природу слушаться, ее можно заставить, ибо она охотно идет правильным путем. Мне это известно слишком хорошо: два, три дня засидишься за полночь или даже поработаешь — и на

четвертый день уже нечего и думать о сне и мучаешься, не будучи в состоянии заснуть. Да, питание тоже должно быть изменено, вы должны есть в середине дня после утренней работы, а вечером только что-нибудь легкое. Но в отношении сна и еды вы должны внести перемены. Порвите с прежними привычками, потом станет легче. Я оставляю эти предписания как свое завещание и прошу вас об этом серьезно. Жизнь в целом едва ли стоит того, чтобы особенно стараться сохранить ее, но ради нескольких человек, которых любишь и чтишь, ради юных, которым можно советовать и помогать, стоит постараться. И, снова обретя здоровье, мы весною создадим новое пристанище.

Я пишу это потому, что мне трудно об этом говорить, и потому, что я хотела бы, чтобы этот рецепт был у вас перед глазами и вы поступали в соответствии с ним.

¹ Датируется по содержанию. Весной – летом 1865 г. Герцен предпринял очередную попытку соединить семью в Швейцарии, куда приехали Наталья Алексеевна с Лизой, Тата, Мейзенбург с Ольгой и он сам; здесь жил и Огарев. Однако попытка (из-за поведения Н.А. Тучковой-Огаревой) не удалась, и все разъехались снова. Мейзенбург с Ольгой вернулись в Италию.

² 28 октября – день рождения Мейзенбург, в связи с чем Огарев прислал ей подарок и стихотворение (оно нам неизвестно).

³ В декабре 1862 г. Мейзенбург с Ольгой и Татой уехали из Лондона в Италию (см. выше письмо Мейзенбург к Т. Пульской от 16 января 1863 г.).

2

⟨Женева. 29 октября 1865 г.⟩

Воскресенье вечером¹

“Все быстротечное – символ, сравненье”².

И как же все они, бедные, мучаются, пытаясь удержать быстротечное, остановить преходящее, заполнить пространство и время, будто это больше, чем просто понятия, повсюду создавать нечто неподвижное, короче – превратить символ в “достижение”. Это то, что нас так трогает, когда “огни просвещивают сквозь туман”, когда мы думаем о всех поглощенных заботами, мучающихся из-за куска хлеба, изнывающих от своей ограниченной любви; это глубокое человеческое сострадание к миллионам бабочек-однодневок, которые в полусне своего частного бытия воспринимают краткие мгновения своего существования как залог вечности. Насколько благороднее, проницательнее и одухотвореннее были и в этом отношении греки, которые на Олимпийских играх, слушая Эсхила и Софокла, наслаждаясь созерцанием идеальных образов Фидия, героически сражаясь и беседуя на высокие темы, наполняли свою жизнь содержанием, только и дающим чувство вечности, а затем спокойно или величественно сходили в Гадес, царство теней, стихийных сил. Понимание того, что в преходящем заключается значение жизни, и заставляло этих идеальных юношей стремиться к радости и красоте, нас же, живущих в менее благоприятных условиях, это понимание приводит к отречению – правда, не к холодному, бездеятельному смиреннию, а к тому благородному настроению души, которое делает нас способными действовать, сочувствовать и помогать.

О Боже, я пишу вам целую диссертацию, а хотела лишь от всего сердца поблагодарить, “но это своими напевами сделали ваши стихи”³. О дне моего рождения было бы лучше забыть, подобные празднества годятся только для юных, но когда путь уже быстро идет под гору, они напоминают слишком сильно о прошлом. Я, к сожалению, чувствовала себя совсем плохо и устремилась в объятия большого ребенка, который меня очень разумно лечит.

Я рада, что вы тоже за итальянский план⁴. Независимо от того, что он желателен для моего здоровья и от головных болей детей, я знаю также, что это было бы лучшим средством разуть в Тате пламя просыпающегося воодушевления. В туманном Лондоне это слишком трудно, а жизнь, которая в юности хоть раз не была бы воодушевлена каким-либо идеалом, слишком пуста и неприглядна.

Моя дружба с Лизой необычайно расцвела. Вчера утром она вместе с бонной на

минуту зашла ко мне в комнату и сказала: "I have no time to stop, I must go about in various di-rections"^{86*}.

С сердечным приветом

М. М е й з е н б у г

¹ В конце октября 1865 г. воскресенье приходилось на 29 число.

Мейзенбург с Ольгой уехали 1 ноября из Женевы во Флоренцию. Уже из Флоренции Мейзенбург писала 12 ноября своей приятельнице Августе фон Штейн-Ребеккини: "Я с Ольгой с пятницы, 3-го числа, здесь. Наше расставание было прекрасно и одновременно печально; вечером, накануне нашего отъезда, мы пошли на дивное место, где снежные горы горели в вечернем сиянии, а в то же время луна серебрила волны быстрой Роны. Там мы долго сидели вместе, трое мужчин: Герцен, Огарев и пожилой превосходный поляк, который у них живет (С. Тхоржевский), обе девочки (Тата и Ольга) и я, и молчали, Огарев – он очень музыкален – тихо напевал Адажио из C-moll'ной симфонии Бетховена, эту возышенную мелодию отречения в шопенгаузовском смысле, и мы все чувствовали, что вряд ли опять соберемся все вместе. Для меня это было прощанием с краем по ту сторону Альп, со всем, что мое сердце там любило, ибо я уверена, что обрела свое последнее пристанище, и мы все были близки к убеждению, что один из нас недолго еще будет с нами, – Огарев, который сам это чувствует. Он одна из самых трагических натур, которых мне приходилось встречать, а какое у него сердце и какой ум!.. С грустью я оставляю мою толстую Тату, с которой мы в последнее время еще больше сблизились; я никогда ее не любила так, как сейчас, когда она впервые в жизни сознательно предпочла долг всему остальному, привлекательному, и благодать этого первого акта, означающего ее человеческую зрелость, войдет в ее жизнь. Ей вообще хорошо, отец и Огарев серьезно занимаются ею, руководят ее чтением, и в этой суровой жизни она созреет и станет женщиной, на которую можно будет положиться" ("Briefe an und von Malwida v. Meysenbug", herausgegeben von Berta Schleicher. B., 1920, S. 22).

² Цитата из заключительного восьмистишия "Фауста" Гете.

³ Перифраза двух последних строк стихотворения Гейне "Не знаю, что значит такое..." ("Возвращение", 2). У Гейне: "Und das hat mit ihrem Singen die Lorelei getan"; у Мейзенбург!: "das haben mit ihrem Singen Ihre Verse mir getan".

⁴ Имеется в виду план поселиться всей семьей в Италии.

3

Фрагмент

(Флоренция. Начало 1866 г.?)¹

87*... Но, повторяю, не подумайте, дорогой друг, что я предаюсь ипохондрическому унынию. Напротив, моя достаточно здоровая натура в большинстве случаев оказывается в такой степени победительницей, что лишь немногие замечают, как часто я глубоко страдаю. И я наслаждаюсь божественно прекрасной страной со всей прежней, а может быть и с еще более горячей любовью, пришедшей с годами. Сегодня я много часов провела в нашем садике, а прогулки по прелестным холмам, которые окружают прекрасную долину Арно, я совершаю ежедневно и немножко даже занимаюсь ботаникой, потому что луга уже сейчас украсились множеством цветов. И знакомств у меня по моим потребностям достаточно, в особенности благородная и милая госпожа Шифф служит мне истинной опорой.

Только музыкальных наслаждений нельзя требовать от Италии, она совершенно незаслуженно считается страной музыки. Когда-то, может быть, и было так, но не теперь. Немецкие музыканты пытаются повсюду произвести реформу, но это удается с трудом. К сожалению Шольц, который давал уроки Ольге, не смог здесь завоевать положения и вскоре уезжает. И я не знаю еще, что буду делать с Ольгой. Мне доставляет большое огорчение то, что при действительной одаренности, она так нерадива в своих занятиях музыкой. Но ничего не остается как продержаться tant bien que mal^{88*} до того, пока она не будет получать от нее радости. Я заканчиваю это длинное послание и еще раз рекомендую вам бром. Это, конечно, паллиатив, но пренебрегать им не следует. Всем домочадцам сердечные приветы, вам же salut et amitié^{89*}.

M.

¹ Дата определяется предположительно, по упоминанию о первых признаках весны (ср. след. письмо).

86* У меня нет времени остановиться, я должна ходить взад и вперед в разных направлениях (англ.).

87* Начало письма отсутствует. – Ред.

88* кое-как (франц.).

89* Привет и дружбу (франц.).

Флоренция. 6 марта (1868 г.)¹

Дорогой друг, поскольку я не могу сама приехать к вам, больному, решаюсь послать вам хотя бы свою фотографию; я сфотографировалась, уступая общему желанию. Фотографию Ольги вы тоже получите, мне будет сделано несколько отпечатков, потому что первая дюжина сразу же была разобрана. В мыслях я ежедневно с вами. Через Устинова мы получили устно подробные сведения. Бедный Ага, как вы должны были страдать! Счастье еще, что дело идет к весне, это облегчает всякую болезнь. Если бы вы были здесь! У нас уже целый месяц весна, весь февраль, и в полдень можно уже держать открытыми окна и радоваться прекрасному воздуху в комнатах. Ольга и я, мы ходим каждый день в виноградники на окружающих холмах и возвращаемся с грудой цветов, с анемонами всех расцветок, фиалками таких размеров и с таким ароматом, каких не бывает на севере и т.д. Эти весенние прогулки обладают чем-то волшебным, больше чем на севере, потому что здесь природа не умирает, она представляется нам ребенком, который после короткого сладкого сна просыпается с улыбкой и снова начинает свою веселую игру, в то время, как на севере природа, действительно, превращается в труп и лишь после долгих мучительных усилий возвращается к недолгой жизни. И эти прекрасные простые прогулки на великолепном воздухе, который веет на наших холмах, вдвойне целительны теперь для Ольги после бурного сирокко, который пронесся над нами благодаря присутствию фрейлейн Володимировой. Нет, подобные искусственно взвинченные натуры не подходят к нашему простому, ясному образу жизни, и мне хотелось бы держать Ольгу подальше от них до того времени, пока ее характер не окрепнет и не будет достаточно вооружен, чтобы противостоять манящим впечатлениям подобного рода². Мы можем сказать этой ослепленной девушки лишь то, что говорит в поэме Пушкина старый цыган чужому светскому человеку: "Уходи в свой мир, мы не ненавидим тебя, мы не преследуем тебя, но у нас нет с тобой ничего общего"³.

Музыкальное развитие Ольги протекает хорошо. Ее игра с каждым днем приобретает большую тонкость и выразительность; она только сейчас приступила к Бетховену, и, я думаю, с полным основанием; она обладает для этого необходимой техникой и может целиком сосредоточиться на понимании. Паноффка в высшей степени доволен ее голосом, и развитие ее голоса, действительно, представляет очень большой интерес; полностью оценить это может лишь тот, кто, подобно мне, был свидетелем этого с самого начала и до конца. Из детского писка, который нельзя было назвать голосом, выработалось теперь очень приятное сопрано, обладающее диапазоном в две октавы и плавно переходящее из одного регистра в другой, причем ни один тон не уступает другому в силе и полноте.

Занятия Паноффки направлены, главным образом, на то, чтобы сделать связь регистров голоса столь незаметным и красивым, чтобы создалось впечатление непрерывного ряда звуков. В этом, по его мнению, заключается тайна великих старых мастеров пения; хотелось бы надеяться, что у правительства хватит ума и денег сделать его директором консерватории и он сможет тогда развивать те прекрасные голоса, которые во множестве встречаются в Италии, и передать свой метод учителям, ибо в Италии, действительно, больше нет учителей пения. Он утверждает, что через год, когда Ольга полностью закончит свое образование, она будет обладать таким же голосом, как его ученица Линда, о которой вы, конечно, слышали и которая, хотя она того же возраста, что и Ольга, но как южанка уже полностью сформировалась, тогда как Ольга все еще ребенок. Ольга, конечно, очень воодушевлена этим успехом и хотела бы полностью посвятить себя пению. Мне бесконечно жаль, что занятия вскоре должны будут прекратиться, потому что та сумма, которую я на это предназначила, вскоре кончится, и у меня нет возможности их продолжать. Как охотно я способствовала бы также выработке у Ольги сознания того, что, по крайней мере, в одной области ею достигнуто нечто значительное, ибо во всем остальном учеба дается ей так трудно, – а это очень поднимает человека в его собственных глазах и дает ему уверенность в себе.

Прощайте на сегодня, дорогой друг, пусть эти строки найдут все в таком хорошем состоянии, какое только возможно в данных обстоятельствах. Мысленно я с вами.

С участием и симпатией

ваш друг М а ль в и д а⁴

¹ Год и месяц уточнены в соответствии с содержанием. Мейзенбуг ошибочно пометила письмо б февраля вместо б марта. В своем письме она отмечает: "У нас уже целый месяц весна, весь февраль". Несчастье с Огаревым – перелом ноги – произошел в ночь с 19 на 20 февраля.

² К Кате Владимировой Герцен также относился отрицательно ("Она пустая и дрянная" – XXIV, 278) и не хотел, чтобы дочери с нею сближались.

³ "Цыганы" (1824).

⁴ Огарев ответил на это письмо 13 марта (см. кн. 1-ю наст. тома).

5

Отель Бельвио, Мюнхен, 16 июня (1868 г.)¹

Дорогой друг, сердечно благодарю за ваши строчки, полученные мной еще во Флоренции, и за труд, который вы собираетесь вложить в "М(емуары) и(деалисти)". Этого я никак не ожидала, и это меня очень тронуло; если же вы находите эту вещь слишком незначительной для печати, скажите мне вполне искренно.

Я, действительно, снова на родине спустя 16 лет! Наше путешествие через Бреннер было великолепно. Можно, в самом деле, сказать, что Альпы уже больше не разделяют. В четверг вечером, в 10 часов, мы выехали из Флоренции и были утром в 10 часов в Вероне; осмотрев замечательный амфитеатр, мы в 2 часа дня снова выехали и на следующее утро, в субботу, в 6 часов, были в Мюнхене. В первый день здесь было очень холодно, так что я раскаялась в своем решении расстаться с итальянским солнцем. А теперь чудесно, свежее, чем в Италии, поэтому и менее утомительно. Я хотела проехать Мюнхен и направиться в Крайцах, где сейчас мои сестры, но, как я выяснила в первый же день, здесь Вагнер, и 21-го будет даваться его новая опера "Мейстерзингеры". Я сразу же отправилась к нему³, он встретил меня самым сердечным образом и дал нам билеты на все репетиции этой недели и таким образом возможность основательно познакомиться с этим грандиозным произведением, а госпожа фон Бюлов, дочь Листа и жена дирижера, пригласила нас на первое представление в свою ложу. В воскресенье вечером мы уже смотрели в театре "Летучего голландца", раннюю оперу Вагнера, которую я еще не знала и которая поэтому меня очень интересовала. Поскольку я прежде всего хотела, чтобы Ольга от этого путешествия получила музыкальные импульсы, то ничего лучшего нельзя было и пожелать. В понедельник, вторник и сегодня мы уже присутствовали на репетициях III акта, и обе пришли в восторг. Да, это мастерское произведение, высочайшее художественное создание нашего времени. Здесь Вагнер решил все задачи, замечательный юмор, поистине шекспировский, возвышенная серьезность, очаровательная поэзия, драматическое действие с симфонической музыкой, лирико-элегические мелодические роли – все в целом обладает таким единством, что ничего не вынешь, и при этом все захватывающее устремлено к концу и все живет в целом. Исполнение будет исключительным, так как привлечены лучшие силы, а Вагнер и Бюлов разучивают все с участниками представления. Если ничто не помешает, то в пятницу будет генеральная репетиция, а в воскресенье – первое представление. Да, такое может быть создано и представлено только в Германии. Италия выглядит, напротив, весьма убого, с искусством там обстоит совсем неважно. Вообще Мюнхен очень нравится нам, особенно Ольге, это большой, просторный, чистый город с роскошными зданиями и с большим количеством зелени. Поскольку мы так заняты музыкой, мы мало что видели, только вот вчера были в церкви св. Людвига и смотрели "Страшный суд" Корнелиуса, который, конечно, нельзя даже сравнить с М. Анджело в Сикстинской капелле, а потом в Старой Пинакотеке, где много прекрасных нидерландцев. Искусство прошлого для нас на этот раз имеет второстепенное значение, меня интересует прежде всего великое и значительное нашего времени, и это – оперы Вагнера.

После первого представления мы уедем в Крейцнах, куда день пути. Гуляя в тишине, среди прекрасной природы с помощью ванн мы по возможности наберемся сил для новой усердной работы зимой. Ольга очень возбуждена, и, если пережитое здесь явится для нее импульсом к упорным художественным стремлениям, то моя цель достигнута.

Поскольку я не знаю, где Герцен и не находится ли Тата уже на пути к вам, то прошу вас вместе с сердечными приветами сообщить сведения о нас. До 22-го нам можно писать сюда. После – Крейцнах, до востребования. Прощайте, дорогой друг, Ольга вас обнимает, я сердечно жму руку.

Ваша М.

¹ Год устанавливается по содержанию письма. Мейзенбург отвечает на письмо Огарева от начала июня (см. кн. 1-ю наст. тома).

² Имеются в виду "Мемуары идеалистки" ("Mémoires d'une idéaliste"), рукопись которых была отправлена в Женеву, где решено было печатать ее в типографии Чернецкого.

³ Знакомство Мейзенбург с Вагнером относится еще к периоду ее пребывания в Лондоне.

6

11, via del Porto S.-Spirito
Флоренция, 9 марта (1869 г.)¹

Дорогой друг!

Я давно должна была уже написать вам и поблагодарить за доброе письмо, которое доставило мне так много радости, но много всякого бумагомарания, которое навалилось на меня именно в это время, плохое состояние головы и глаз и мои занятия с Ольгой отнимали у меня – положительно и отрицательно – так много времени, что до сих пор я не могла добраться до стола. Вчера пришло ваше письмо к Ольге. Как могли вы подумать, что я что-то против вас имею, тогда как испытываю к вам самую искреннюю дружбу, даже истинное благоговение. Я считаю вас – и очень часто говорю это Ольге – единственным настоящим мудрецом во всем нашем кругу, который разрешил полностью великую жизненную загадку истинного самоотречения, активного смирения, и я стремлюсь изо всех сил уподобиться вам. Ваша готовность помочь мне необычайно трогает меня. Это исключительно вина Черн(ецкого) или Тхор(жевского), если вам перестали посыпать корректуры², я просила, ибо вы обещали мне свою помощь. А теперь книга родилась и должна, как все, что отваживается войти в мир явлений, идти своим путем навстречу своей судьбе. Я не думаю, что все будет особенно удачно, потому что Георг не проявляет достаточно интереса к тому, чтобы способствовать ее распространению. Ни один книготорговец в Италии, например, ее еще не имеет, и здесь, где об ней прошел слух благодаря одному или двум экземплярам, которые я подарила, интерес к ней был так велик, что она хорошо продавалась бы, ибо в здешнем большом книжном магазине Лешера ее часто спрашивают, Лешер утверждает, что просил ее, но до сих ничего не получил. И в Париже до сих пор ее нельзя было купить, как мне писал Моно. Впрочем, я могу быть довольна тем впечатлением, какое она произвела здесь, в особенности, – что и было моей целью – среди молодых девушек, вызвав живую симпатию. Недавно я получила от неизвестной роскошный букет с запиской: "A l'Idéaliste comme signe de la plus profonde vénération"^{90*}. Я стала интересоваться и узнала, что это от молодой девушки, которая прочла книгу уже три раза. Сожалею, что дала книгу Георгу, а не взяла все в свои руки; думаю так было бы лучше.

Будьте добры сказать Тхоржевскому (если он еще в Женеве), чтобы он из оставшихся у него экземпляров один послал по адресу: г-же Лауре Мейзенбург, 13, Theaterplatz, Ганновер, и еще *три* мне сюда. Ольга тысячу раз благодарит вас за два выпуска "Учения о гармонии", которое она получила. Я хотела бы, чтобы она изучила гармонию, я мало ценю голую виртуозность при отсутствии подлинной музыкальности. Паноффка снова здесь и останется до конца мая. У Ольги есть 50 фран-

^{90*} "Идеалистке в знак глубочайшего уважения" (франц.).

ОГАРЕВ
Фотография. Женева, 1867
Исторический музей, Москва

ков, которые ей сверх всего подарил отец и 10 франков от ее месячных денег, у меня 60 франков, которые я со своей стороны отложила в Сиене весной и которые я отдаю, и, таким образом, у нас будут в течение месяца уроки пения. Мне нравится и кажется верным, что Ольга приносит ради этого жертвы, покупая одним платьем меньше. Если Паноффка после месяца занятий по совести сможет сказать, что развитие таланта Ольги оправдывает дальнейшие жертвы, мы это его мнение сообщим Герцену и обсудим с ним дальнейшие шаги. Мне кажется, это имеет большое значение, по крайней мере, в чем-то одном добиться каких-нибудь достижений, и, если Ольга достигнет чего-либо в пении, это доставит радость всем ее родным. Александр и Тереза в добром здравии и хорошем настроении. Прощайте же на сегодня, как раз сейчас Ольга разучивает чудесный ноктюрн Шопена. Заверяю вас в своей неизменной дружбе.

Ваша М. М е й з е н б у г

Привет Тутсу

¹ Дата уточняется по содержанию.

² Речь идет о корректуре "Mémoires d'une idéaliste". В дальнейшем имеется в виду эта же книга.

³ См. выше в наст. кн. письмо Ольги к Огареву от 23 февраля 1869 г.

Париж. 3 февраля (1870 г.)¹

Дорогой друг,

Каждый день собиралась написать вам и каждый раз не могла решиться, ибо что я могу сказать вам? В юности легко проливаешь горючие слезы и так же легко снова начинаешь улыбаться, потому что веришь в будущее и ожидаешь новый обещанный, вопреки могилам, день. В старости же раны не заживают и, испытав невосполнимые потери, уже влачишь жизнь, как бремя, как долг, и больше не находишь утешения и надежды. Мы оба не могли представить себе, что переживем его, вспоминая о том, что я испытывала, когда у его смертного ложа² завершилась наша восемнадцатилетняя дружба, я понимаю, что должны чувствовать вы, чья дружба обладает совсем иными правами, чем моя. Да, это жестоко, дорогой Ага, и я могу сказать вам, что мне тяжелее всего за вас. Надеюсь, что вам совместно с Татой и Алексом³ придет хорошая идея, как организовать свою будущую жизнь. Я не представляю себе, как можно объединить все эти различные интересы. До сих пор я придерживалась своего первоначального плана, т.е. прожить здесь с Ольгой возможно проще до конца весны, чтобы она снова принялась за работу, а это до настоящего времени не удавалось, и потом, после пребывания где-нибудь на лоне природы, вернуться осенью во Флоренцию, куда стремится Ольга и где мы, по крайней мере, будем вместе с Алексом.

Мне кажется, если Натали и Тата посвятят себя, прежде всего, заботам о русском издании, им лучше всего остаться около вас вблизи Женевы. Если Тата еще там, передайте ей привет и скажите ей, что здесь все обстоит благополучно.

Прощайте на сегодня, остаемся друзьями пока нам суждено еще жить.

Ваша верная М. М е й з е н б у г⁴

¹ Год определяется по содержанию письма. Отклик на кончину Герцена.

² Имеется в виду Герцен.

³ Алекс – А.А. Герцен-сын.

⁴ На это письмо Огарев ответил 6 февраля (см. кн. 1-ю наст. тома).

24, via de principe Amadeo avanto alle guardie Daziarie.
Флоренция. 6 декабря (1871 г.)¹

Дорогой друг, уже давно мы не имели непосредственных сведений друг о друге, но я часто думаю о вас, и сегодня, в день вашего рождения, в доказательство этого шлю вам привет от старого, надежного друга. Только это нам и остается, ибо у нас с вами нет будущего, и идеалы, в осуществимость которых мы некогда верили, рассаялись частью как бесплодные тени. Только две вещи остались реальными и неизменными: с одной стороны, несовершенство жизни, а с другой – мечта об избавлении от него. Для нас, которым сон жизни скоро перестанет сниться, для нас, к счастью, это избавление близко, и если бы не Ольга, я бы хотела, чтобы скорее наступил день, который принесет это избавление.

Ольга и я устроили себе здесь нечто вроде дома, он весьма мил и уютен. Лучше иметь какое-то постоянное пристанище, где можно обосноваться и где можно заняться чем-то длительным, ибо вечные скитания не ведут ни к чему хорошему ни молодых, ни старииков. Ольга снова начала заниматься пением, и я надеюсь, что ей когда-нибудь удастся спеть для вас в Женеве. Как часто я думаю, слушая ее милый голос, ее соловьиное искусство: если бы Герцен мог это услышать, – он, сомневавшийся, что из ее пения может что-нибудь получиться. Кроме того, она занимается фи-

зиологией и анатомией, и, если ее склонности не изменятся, то через два или три года, когда ее здоровье укрепится, она сможет заняться наукой.

Александр живет на собственной земле и вскоре, как я думаю, станет настоящим сельским хозяином. Мне кажется, здесь он полностью окажется в своей среде и не только будет управлять собственным имением, но и делать добро вокруг, как уже сейчас, когда у него возник план устроить школу для крестьян, живущих на его земле и поблизости. Дети у него прекрасные, настоящие рафаэлевские ангелочки с темными глазами южан. Я постоянно думаю о том, почему Герцену не суждено было до всего этого дожить — это, вероятно, примирило бы его со многим, если б он увидел этих очаровательных потомков, носящих его имя.

Знакомы ли вы с мадам Андре Лео, писательницей, которая сейчас живет в Женеве? Я б охотно снабдила ее рекомендациями к вам, потому что она вам несомненно понравилась бы.

Мне хотелось бы, чтобы вы побывали на вилле у Алекса, вам там, несомненно, понравилось бы; там совсем не жарко, сегодня даже во Флоренции снег по щиколотку, а наверху холодно. Там можно было бы повидаться в спокойной обстановке и доказать вам на деле свою дружбу, что трудно сделать издалека.

Желаю вам всего хорошего, помните о своем старом друге М а л ь в и д е².

¹ Год устанавливается по содержанию письма.

² Огарев ответил на это письмо 19 декабря 1871 г. См. кн. 1-ю наст. тома.

9

Перевод с французского:

31 декабря 1872. Флоренция

Дорогой друг,

Годы проходят, унося с собой без снисхождения все, что жизнь нам давала. Только одного они не уносят, это нескольких истинных дружеских привязанностей, которые нам дано было испытать и которые мы испытываем и сейчас. Их мы возьмем с собой, когда отправимся в великое путешествие, из которого уже не возвратимся. Так мы оба, дорогой друг, мы почти все потеряли, но дружба осталась, и эта дружба побуждает меня пожать вам руку в канун наступающего Нового года. Пусть он, по крайней мере, найдет нас в добром здравии. Это одна из тех вещей, в которых больше всего нуждается старость. Я вот уже два месяца сижу дома и должна держать вытянутой правую ногу, потому что я сильно ушибла колено, и, так как это очень чувствительное место, я достаточно настрадалась. Теперь мне немного лучше, и я надеюсь, что скоро смогу выходить, так как мне очень не хватает чистого воздуха. Но этот Новый год для меня очень грустен в другом отношении, потому что он уведет от меня Ольгу, которая в марте выходит замуж. Мне очень тяжело остаться без нее и окончить свои дни без той, которая была лучом солнца на протяжении стольких лет. Я совершенно не представляю себе, что я буду делать, когда она уедет; мне останется только умереть. Только бы она была счастлива, и это, кажется, так и будет, потому что она любит своего будущего мужа, но во Франции, где все так неустойчиво, где все внезапно может перемениться, какие могут существовать гарантии для счастья человека, которого любишь? Но она этого решительно хочет, и судьба ее должна свершиться.

Тата целиком занята детским садом, который мы здесь основали. Она ходит туда каждый день и занимается с шестьюдесятью детьми, которые его посещают, и для нее очень хорошо, что у нее есть такое полезное и приятное занятие. У Александра и его семьи все обстоит хорошо. А как вы, дорогой друг? Надеюсь, что у вас все хорошо. Передайте привет Мери и Генри, я еще раз жму вам руку.

Ваш старый друг М а л ь в и д а